

ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

ЮЛИЯ
НЕЛИДОВА

ТАЙНА
«ЖЕЛЕЗНОЙ
ДАМЫ»

Иван Иноземцев

Юлия Нелидова

Тайна «Железной дамы»

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нелидова Ю.

Тайна «Железной дамы» / Ю. Нелидова — «Эксмо»,
2018 — (Иван Иноземцев)

ISBN 978-5-04-092200-0

1887 год. Молодой земский врач Иван Иноземцев, чтобы поправить пошатнувшееся психическое здоровье после злоключений в имении Бюловка, переезжает в Париж, но и там не может избавиться от призраков прошлого и опасений за будущее. Несмотря на блестящую врачебную практику и лекции в европейском университете, Иван Несторович понимает, что тихой и безмятежной жизни во французской столице ему не добиться. Один из его студентов – внук самого Лессепса, гениального инженера и дельца, занимающегося проектом эпохи – прокладкой Панамского канала. Но сам студент связывается с анархистами и становится причиной детонации взрывного устройства. И только Иноземцев понимает, что виной всему не случайная оплошность юного химика, а панамский кризис и финансовые махинации вокруг семьи Лессепсов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092200-0

© Нелидова Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава I. Ссылка в Париж	6
Глава II. Полцарства за урок	22
Глава III. Мадемуазель Боникхаузен	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Нелидова

Тайна «Железной дамы»

© Нелидова Ю., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава I. Ссылка в Париж

1889 год, сентябрь. Париж

В дверь лаборатории на улице Ферроннри позвонили, и посыльный передал небольшую коробочку, в обертке без привычных почтовых штампов, без подписи – без ничего. Внутри оказалось новомодное изобретение профессора Фика из Цюриха – пара роговичных линз. Иван Несторович Иноземцев понял, что его тихой и безмятежной жизни настал конец...

* * *

Двумя годами ранее, май. Петербург

Иноземцева выпустили той же ночью, вернув и одежду, и медицинские инструменты в чемоданчике, и саквояж, и он поплелся к Введенскому каналу, в надежде, что его квартиру госпожа Шуберт по-прежнему держит пустой. С тяжелым сердцем поднялся он на второй этаж. Ступени лестницы и половицы шумно потрескивали под ногами, нарушая гнетущую тишину. Ни Розина Александровна, ни Варя не смели и слова сказать своему постояльцу, столь неожиданно-негаданно явившемуся едва ли не с того света. Хуже! Из сумасшедшего дома.

Что теперь? Жизнь кончена...

Опустил саквояж у порога, горестным взглядом окинул комнату. На потертые обои без боли в сердце смотреть невыносимо. Шкаф возвышается грузным великаном – предатель этакий, точно ждет наступления ночи, дабы извергнуть из своей темной утробы чудищ в образе светлоокой сирены и ее страшного пятнистого монстра¹. Темная рама окна, потонувшая в предрассветных сумерках, навевает лишь страх – едва сгустятся сумерки, полезет из нее нечисть всякая, примется колотить по стеклу, выть да стонать точно гоголевская панночка. На кровать и присесть страшно – а вдруг сморит вновь проклятая катаплексия?

Иноземцев втянул шею, поежился.

Уж в больнице и поспокойней было, глухое окошко на потолке попрочнее выглядело, за дверью – санитары, готовые по первому зову больного прогнать монстров.

«О чем мысли! Об окошке, прости господи, да о санитарях. За спины их удумал прятаться от несуществующей нежити. Чем жить теперь? Кому он теперь нужен, душа неприкаянная? Запереться, спрятаться или бежать куда глаза глядят? Да нет, кончена жизнь... – хоронил себя Иван Несторович. – Скальпель-то держать как теперь, поди, и не вспомнит, как сосуды шить – тоже, да что уж там – как ангину лечить и то из головы вылетело. Какой он доктор теперь с пустотой вместо серого вещества. Тут и деревенским лекарем стыдно будет пойти, не то что в штатные хирурги Обуховской больницы. Кто ж его назад примет, душевнобольного морфиниста? Да и сам он ни за что в Обуховку не вернется – лучше смерть. Бежать! Бежать, пока грешным делом руки на себя не наложил! Бежать, запереться и спрятаться. Где-нибудь в сибирской тайге или на Чукотском полуострове. Ничего, и без людей проживет, сам на сам. Уж больно через них страданий много.

Иван Несторович прошаркал к своему старенькому бюро, тяжело опустился на стул, уронил локти на столешницу, а голову – на руки и вздохнул. Взгляд упал на газету, что лежала здесь до него, верно, занесенная заботливой Варей вместе с кипой прочей корреспонденции, накопившейся за ни много ни мало целых полгода.

---

¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

«ПОХИЩЕНИЕ АЭРОСТАТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Одна из вольных слушательниц Бестужевских курсов по имени Элен Бюлов из Страсбурга стала похитительницей воздушного шара, принадлежащего известному ученому, приборостроителю, химику, физику и воздухоплавателю Дмитрию Ивановичу Менделееву. Экспериментальная модель летательного аппарата сооружалась в течение нескольких месяцев во дворе отстроенного два года назад здания оных курсов, по адресу: Васильевский остров, дом 33, где ученый преподавал и проживал. По словам Дмитрия Ивановича, барышня Бюлов была одной из прилежных и смысленных учениц, всегда проявляла любопытство относительно конструкции аэростата, была даже допущена к его сооружению и имела твердые намерения отправиться в Тверскую губернию проводить наблюдения за полным солнечным затмением, которое должно состояться 7 августа сего года.

В ночь на 30 мая ученица проникла в здание, отрезала канаты, зажгла нагревательный прибор и в одиночку взмыла в воздух. Некоторые знания законов аэронавтики, которые изложил барышне профессор Менделеев в ходе работы над сим аэростатом, и собственный легкий вес дали ей возможность быстро исчезнуть в толще облаков.

Важно отметить, сколь опасно путешествие на аэростатах. Сам профессор до того ни разу не отправлялся в воздух в одиночку. В качестве подъемной силы используются взрывоопасные газы – светильный и водород.

Поисками беглянки занят весь Департамент полиции. Полицейские чиновники обещали тотчас сообщить, если та сыщется».

Умахнула, счастливица, а ему что теперь делать? Куда податься?

Иноземцев обернулся, чувствуя, что за ним все это время наблюдали. В дверях застыли Розина Александровна и Варя. Смотрят боязливо-обеспокоенно. Не то страшно им – неведомо, что от полоумного постояльца ждать, не то жалеют убогого. И войти не решаются, и оставить одного – а ну как буяннить примется.

Иноземцев скривился. Лучше сразу в Неву, прямо ко дну илистому! Или в Фонтанку, или в Введенку. Как наступит ночь, – уж если и топиться, то украдкой, – раздобыть предмет какой потяжелее да веревку крепкую и – к Александровскому мосту или, может, к Зимней канавке – там безлюдно...

Но ни того ни другого ординатор сделать не успел. Вечером явился сам Троянов. Госпожа Шуберт и Варя страшно обрадовались приходу главного хирурга из Обуховской больницы, бросились провожать его на второй этаж, наперебой рассказывая, что весь день Иноземцев просидел, ни слова не сказавши, на просьбы и увещевания не отвечая. Заведующий доктор руку Иноземцеву пожал, стал в извинениях рассыпаться, успокаивать.

Тот даже подняться не соизволил, на рукопожатие не ответил, продолжал сидеть с гробовым молчанием и безжизненной неподвижностью. Не нуждался больше он ни в каком утешении. Только в гробу себя и видел или на дне Невы. Троянов говорил что-то, а Иван Несторович все представлял с наслаждением, как вода у лица плещется.

– Да не убивайтесь вы, юноша, так, – не отставал Алексей Алексеевич, – вам не придется краснеть, прятать глаза. Ну что случилось, то случилось. Ведь героем себя проявили, муже-

ственно перетерпев все невзгоды². Поймают эту негодницу, уж далеко на шаре она не сможет улететь. Статью читали? – Главный доктор скользнул глазами в сторону газеты под локтями Иноземцева. – Вы настоящий рыцарь, Иван Несторович. Кто другой на вашем месте сдал бы ее полиции, хоть бы даже это дама. А вы – нет. Вы истинный джентльмен. И ведь гиены не испугались. Просто невероятно. А я вас – ругать... Ну простите, дурака старого! Такое ведь и вообразить... Гиена! Ручная гиена! Просто уму непостижимо... М-да. В больнице о вас только хорошее вспоминают – какой, говорят, благородный, бесстрашный. Единственно только... кхе-кхе, остаться вам нельзя никак, попросят вас все-таки из Петербурга. Уж примите эту горькую пилюлю. Мужайтесь, словом. Но все не так плохо – получите приват-доцента где-нибудь в Европах, с вашим-то багажом исследований.

Иноземцев продолжал сверлить взглядом очертания здания Царскосельского вокзала в окне напротив, но при последних словах глянул на заведующего обиженно исподлобья. Погонят, значит, в три шеи погонят. Сначала в сумасшедшем доме продержали, а теперь – пальцем на дверь. Не питал Иван Несторович никаких иллюзий насчет печального будущего своего. Да хоть на расстрел, завтра же, плевать! А сам продолжал с наслаждением представлять, какое небо Петербурга красивое, должно быть, сквозь толщу воды в реке по весне. К Зимней канавке идти надобно, там его никто искать не будет...

Но ошибся Иван Несторович. Троянов, оказывается, явился не только дабы утешить несчастную жертву неудачного полицейского сыска, а по просьбе главы больничного дела столицы, председателя Общества русских врачей – профессора Сергея Петровича Боткина. Тот просил осторожно и ненавязчиво пригласить Иноземцева к беседе сегодняшним же вечером.

Главу больничного дела по вопросу Иноземцева полицейские чиновники всего измучили. До того квартира ординатора и его рабочий стол в Обуховской больнице были подвергнуты тщательнейшему обыску. Записи доктора, пробирки, стекляшки, травяные заготовки – все старательно упаковали в ящики и свезли Боткину – де разбирайтесь, господин ученый, чем был занят главный подозреваемый. С ящиками сими и Троянову пришлось повозиться, и весьма скептически настроенному полицейскому врачу – Дункану, который, однако, лишь изредка наведывался узнать, как продвигается дело, и равнодушно выслушивал отчет ученых. Те же после нескольких недель изучения улики, после телефонного разговора с главным врачом психиатрической больницы Святого Николая Чудотворца, господином Чечоттом, пришли к выводу – несмотря на то что доктор Иноземцев страдал нервными расстройствами, тем не менее вел он весьма полезные исследования в области микробиологии и иммунологии, изучал споры, палочки и возбудители многих весьма распространенных заболеваний. К стекляшкам со штаммами была приложена целая стопка анализов больных, аккуратнейшим образом подшитая к одной из толстенных тетрадей, сплошь исписанной нервным почерком. Было бы весьма печально, ежели такая работа канула в Лету. А ну какое открытие сделано было в микробиологии или эти наблюдения позже путь проложат к возможным открытиям?

Долго решали, что делать с молодым доктором, но, как сильно Сергей Петрович ни желал оставить Иноземцева в столице при себе, в чиновничьих верхах было принято безоговорочное решение выслать его куда подальше.

Тогда профессор вспомнил, что вел переписку с одним удивительным биологом – основателем и организатором первой в Империи бактериологической станции. Характер у того был на удивление схож с нравом Ивана Несторовича. Илья Ильич Мечников – известный своей непревзойденной гениальностью, склонностью к авантюрному романтизму и вечными стычками с правой профессурой, которая, в конце концов, вынудила его оставить бактериологическую станцию в Одессе, – стал бы лучшим наставником Иноземцеву. Он и эксперименты на своем организме ставил точно так же, как Иноземцев, ничуть не страшась смерти. Ввел как-то

² Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

себе в отчаянии тиф – хотел на тот свет отправиться вместе с занемогшей женой, но не умер, а открыл вакцину от сего страшного недуга – и себя спас, и супругу. А после этого загорелся идеей продления человеческой жизни. Пережив два неудавшихся самоубийства, он осознал истинную цену жизни.

Еще в марте, когда ординатор томился в лечебнице, Боткин написал Мечникову в Париж, куда тот отбыл нынешней зимой по приглашению самого Луи Пастера. Восторженными словами расписал Иноземцева – прилежного врача, ловкого хирурга, занятого теми же исследованиями, что проводил Илья Ильич и его французские коллеги, аккуратно намекнув, что сведения, собранные им, могли бы быть весьма полезны. И вскоре получил телеграмму: *«Непреренно просите приехать этого молодого медика к нам тчк в парижке открыта вакцина против бешенства зпт мы рады принять любую помощь тчк»*

Сенсационные новости о всемирном исследователе бешенства давно будоражили весь мир науки. Газетные издания разрывались от восторженных статей, вещавших о легендарном Луи Пастере, наконец победившем болезнь, многие столетия которая считалась неизлечимой. Его труды, поначалу оклеветанные, обогланные, не принятые никем, названные бесплодными и тщетными, привели к величайшему триумфу – сколько жизней будет теперь спасено. Количество больных, ринувшихся за лечением в кабинет Пастера в Эколь Нормаль, заставило ученый мир Парижа задуматься об организации сего процесса.

По велению Французской Академии наук, членом которой являлся Пастер, нынешним летом готовили к открытию новый институт с несколькими лабораториями для изучения микроорганизмов, вызывающих инфекционные заболевания, и прививок против них. Шестидесятипятилетний ученый, уже уставший, больной и страшно постаревший, остро нуждался в толковых исследователях и во врачах, которые проводили бы вакцинации, читали бы лекции вольным студентам, разгрузили бы его неутомимых сподвижников. Эмиль Ру, отдавший годы изучению сибирской язвы, Дюкло – профессор химии из Сорбонны, микробиолог Шамберлан, детский врач Гранше, а также только что присоединившиеся Илья Ильич и швейцарец Йерсен – большой знаток серологии рады были принять любую помощь. И любой уважающий себя ученый почел бы за честь работать в такой команде.

А Иноземцева эта честь вогнала в страх и даже недовольство. Он так утвердился в своем желании похоронить себя на дне Невы, что даже перспектива переезда в Европу не смогла отвлечь его от печальных намерений.

Он искренне удивился приглашению главы больничного дела, господина Боткина, даже не поверил поначалу словам Троянова и идти сразу не захотел. Троянову пришлось несколько раз повторить просьбу Боткина. А когда Иван Несторович предстал перед Сергеем Петровичем, удивился еще больше – тот указал ему на ящики с огромным множеством пробирок, чашек Петри, каждая из которых была подписана его – Иноземцевым – почерком. Все пространство большого рабочего стола было занято ими. Иван Несторович, не веря своим глазам, стал вынимать лабораторные емкости и недоуменно их разглядывать.

Кроме того, Сергей Петрович подал Иноземцеву и его тетради – целую стопку, несколько бюваров, а также подшивки газет, где значились статьи Ивана Несторовича, раскрывавшие многие туманные вопросы не только в микробиологии, иммунологии, но и в психиатрии. Долго Иноземцев стоял и листал свои записи, то хмурясь, то удивленно вскидывая брови.

– Это что – мои? – в конце концов, наивно спросил он.

Боткин лишь вздохнул и сочувственно похлопал молодого человека по плечу.

– Поезжайте в Париж. Илья Ильич будет вам рад.

Не ведал господин глава больничного дела, что причиной столь успешной научной деятельности доктора Иноземцева была случайно изобретенная им тинктура, совершенно меняющая свойства души и преображающая работу сердца и разума. За небывалую работоспособность и удивительную гибкость ума, возникающую вначале, приходилось расплачиваться

помутнением рассудка и беспамятством впоследствии. Все то синтезированный даурицин! Все это лунный яд³...

Иван Несторович и опомниться не успел, как уже катил в поезде по Петербурго-Варшавской железной дороге. Короткое посещение Выборга прежде, немой упрек отца во взгляде, слезы матери оставили лишь абрис в подсознании. Стыдно было невообразимо. Теперь он беглец, не оправдавший родительских надежд, хранитель неприятной тайны, от которой с радостью бы избавился, отъявленный и самолюбивый лжец без стыда и совести – осознание этого тупой болью поселилось за грудиной, душило и мучило Иноземцева. Боткину ведь тоже не признался, кому он обязан своими статьями, исследованиями, коллекциями спор и бацилл, что вез на суд самому Пастеру! И не признается даже под страхом смерти.

«Ничего, – сказал он себе, – не Нева, так Сена, пусть же даже Висла или Дунай, что по дороге, – все равно».

Осматривать Париж Иван Несторович не хотел – зной, пыль, духота... Но пришлось. С Восточного вокзала отправился на улицу Гренель, в русское посольство, проехав на городском омнибусе через несколько кварталов с правого берега Сены на левый. И Париж произвел на Иноземцева пугающее впечатление. Оживленность, толкотня, беспорядочность кривых улиц, размах бульваров, тяжесть сплошной стены построек разной высоты, цвета и архитектуры – все это обрушилось неудержимой лавиной на Ивана Несторовича, привыкшего к тишине и уединению больничной палаты. Поезд прибыл ранним утром, но уже тогда город гудел всем разнообразием звуков зарождающегося дня.

В посольстве на улице Гренель его встретил секретный агент ЗАГа – Рачковский, устроил доктору настоящий допрос, немало тем его измучив.

Следом явился сам Мечников Илья Ильич, перехватил оглушенного Иноземцева из лап полицейского чиновника, потянул того на улицу, взял фиакр, и они вихрем промчались по всему Сен-Жерменскому предместью и через Люксембургский сад.

На вопрос биолога, мол, как находите Париж, Иноземцев мрачно отозвался: «Будто из Петербурга и не уезжал».

Бывший ординатор горел одним-единственным желанием – по-детски глупым и даже в какой-то степени безумным: выпрыгнуть на ходу из пролетки и бежать обратно к вокзалу. Близилась минута, когда пришлось бы поведать будущим коллегам о своих научных изысканиях, о которых он знал не больше, чем какой-нибудь первокурсник-школяр. Иноземцев употребил целую неделю пути, чтобы разобраться в собственных записях, но по-прежнему его истязало непреодолимое чувство, что похитил все эти идеи у какого-то незнакомого ученого и пытается выдать за свои собственные работы.

К трехэтажному каменному зданию на улице д'Ульм, с аркой-дверью, скромным барельефом, изображающим двух греческих муз, и надписью «École normale supérieure», не подступиться. Толпа, гомон точно преследовали Ивана Несторовича всюду. Но здесь царил невиданный хаос. С некоторых пор в Эколь Нормаль во флигельке была устроена настоящая станция вакцинации – строительство нового института несколько затянулось – двор оказался сплошь переполнен больными, прибывшими как будто со всех уголков света. В помещениях, где временно устроили операционную, в кабинете Пастера, в комнатке для препарирования вакцины и по коридорам сновали доктора в белоснежных халатах. Тут же у ворот толпилась делегация английских врачей, стоял оглушительный лай подопытных собак, доносившийся с заднего двора, так же переполненного ожидающими приема. Визитеры, студенты, животные – многие приводили своих питомцев, просто любопытствующие прогуливались меж целой выставкой кроличьих клеток. А кроликов здесь было столько, что Иноземцеву показалось, что они

³ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

родятся у него на глазах. Они были повсюду – и в клетках, и на крыльце, они прыгали по траве прямо под ногами, насакивали друг другу на голову и спины, дети подбирали эти серые пуховые шарики и прижимали к щекам и груди.

Неужели здесь Иноземцеву предстоит жить и работать? Иван Несторович ощущал себя абсолютно лишним в коловороте сей чрезвычайно важной суматохи. Он едва удерживался от порыва зажать уши руками и с криками отчаяния выбежать вон. До того психиатрическая больница его сделала чувствительным к любому шуму и скоплению народа в количестве более двух человек.

При знакомстве со штатом будущего Института Пастера Иноземцев выказал вверх сдержанности и, сам того не желая, произвел впечатление человека угрюмого и нелюбезного. Топил в отстраненности и холодности готовую вырваться наружу панику, а казался заносчивым молчуном. В кругу пятерых французов, швейцарца и русского, глядевшегося еще большим французом, чем сами французы, Мечников был весел и непринужден, как гусар, Иноземцев, едва вышедший из заключения, едва покинувший самый серый город на земле, походил на смурную тучу.

Когда зашла речь о том, где русский доктор разместится, о собственном уголке в Эколь Нормаль, а после и в самом институте, Иноземцев тотчас же поспешил отказаться от всяческих услуг и предложений, втайне надеясь, что ему удастся избежать сотрудничества с Институтом слишком эпохальным, слишком грандиозным для него, ибо совершенно не заслуживал такой чести. Более того, он страшно не желал быть разоблаченным во вранье. И Иван Несторович предпринял попытку сознаться.

– Видите ли в чем дело, – объяснил он, обратившись к Илье Ильичу по-русски, когда появилась возможность говорить с ним тет-а-тет. – Я не совсем уверен, что могу быть вам полезен. Сергей Петрович писал, вероятно, что я проводил опыты над больными с гниющими ранами... Вернее, с анализами их крови, и установил, что один из видов плесени быстро побеждает клетки гниения. Но я совершенно не помню, как я это делал. Я пребывал в каком-то тумане, это из-за... Мне не хотелось бы об этом вспоминать... но нужно некоторое время, чтобы разобраться с собственными записями. И я не могу позволить себе отнимать ваше время, занимать место в лаборатории, тем более отвлекать от столь кропотливых забот. Работа, произведенная вами в открытии вакцины против бешенства, – невероятна и ошеломляюща. Я с трудом осознаю, как вообще мог оказаться в кругу столь значительном. Это нонсенс, после того что со мной произошло! И я... я... мои... мои скромные заметки по сравнению с изысканиями месье Пастера выглядят жалкими... Я боюсь вам помешать... Я поищу жилище, приступлю к работе и буду являться сюда каждый день, как на службу, и давать подробный отчет о ходе моих исследований. Как врач, я полностью в вашем распоряжении... Но не смею просить места в лаборатории! Я в себе не уверен... – начав выдержанно, Иноземцев стал задыхаться от волнения, а вскоре вовсе его мысли и слова спутались, – я буду лишь помехой... я опять натворю бед... Возможно, даже... я опасен для общества...

Мечников нахмурился и, понимающе покачав головой, отвел Иноземцева в сторону.

– Успокойтесь, любезный друг, – с радушной улыбкой начал он. – Не говорите ерунды, которая, впрочем, свойственна, хе-хе, человеку науки. На сомнениях построен весь мир! Человек, склонный к сомнениям, склонен и к рационализму, из множества вариантов он выберет наиболее верный. Вот почему так важно ставить под сомнение все, с чем имеешь дело. Но вы уж больно принимаете все слишком близко к сердцу. Здесь, я ручаюсь жизнью, никто не посмеет ни в чем вас обвинить или обидеть. Подумайте о пользе, которую могли бы принести человечеству ваши работы. Кроме того, никому не известна та печальная история⁴. Я со своей

⁴ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

стороны клятвенно обещаю хранить молчание. Кафедра биологии Эколь Нормаль уже приняла вас, и с распростертыми объятиями.

– Благодарю, Илья Ильич, но все же... предпочел бы некоторое время поработать один. Недостаток комфорта мне не мешает. Я готов жить хоть в сарае, мне все равно, где возиться со спорами. Микроскоп и другие инструменты у меня есть.

Илья Ильич вздохнул.

– Что ж, как будет угодно... Считаю своим долгом попробовать помочь и сыскать такое место... хм, – биолог снял пенсне и потер глаза. – Есть у нас небольшой домишко на одной тихой улочке, что отрядил нам муниципалитет Парижа для содержания зараженных бешенством собак. Увы, соседи подняли бунт и собрали подписи против нас. В результате бешеных собак там держать запретили... – Мечников снова вздохнул. – Лабораторию устроить – пожалуйста, но без зверья. А зачем нам лаборатория без возможности проводить исследования над главным возбудителем болезни? Такая у нас и в Эколь Нормаль, видите, пока имеется, а скоро и на улице Дюто достроят здание. Так что домишко нам пока не нужен. Хотите взглянуть? Правда, несколько далековато, на правом берегу Сены, в квартале Ле-Аль, возле рынка, улица Медников...

Иноземцев горячо поблагодарил биолога. И после обеда бывший ординатор, Илья Ильич и препаратор месье Адриан Луар, вызвавшийся на роль проводника по лабиринту парижских улиц, отправились на оную улицу. Пролетка, по-французски – «фиакр», быстро пронеслась улицей Сен-Жак, мостом Святого Михаила, через остров Сите, свернула на улицу Сен-Дени, а через несколько перекрестков остановилась, и получаса не прошло. Все это время Илья Ильич с жаром рассказывал Иноземцеву о жизни в Париже, одновременно умудряясь жадно расспрашивать о Петербурге. Он был очень оживлен, Иноземцев едва успевал отвечать. Биолог изъяснялся то по-русски, то по-французски, чтобы не обижать господина Луара, то вновь воодушевленно сходил на русский. И было очевидно, до чего ж счастлив Илья Ильич перекинуться хоть парой слов с земляком, насладиться звуками родной речи. Долго держаться нелюдимом Иван Несторович не смог, в конце концов, сдался, разговорился, и по лицу его несколько раз даже скользнула улыбка.

– Вот этот узенький переулочек, звавшийся с незапамятных времен улицей Медников, – наш, – показал биолог рукой, едва отпустили извозчика.

– Ла Ферроннри, – отозвался препаратор. – А если обратно на русский перевести, то будет звучать, как какая-нибудь «Железяка», или «Железная улица». Здесь когда-то располагались кузнецы, а еще...

Господин Луар внезапно умолк, недоговорив, потому что Мечников сделал за спиной Иноземцева знак молчать. Но Иван Несторович не придал значения тому, всецело отдавшись созерцанию переулка, такого же темного, как Митавский; и в сердце кольнуло от страха и недоверия.

– Здесь довольно тихо, – прервал молчание Илья Ильич, – а главное – рядом рынок Ле-Аль – вон, видите, отсюда виднеются крыши павильонов – и две широкие улицы – Сен-Дени и Севастопольский бульвар, а чуть дальше Риволи и чудесный сквер башни Сен-Жак. Всегда можно найти фиакр, и он мигом вас доставит на улицу д'Ульм, али омнибус. Пройдемте вглубь.

Вдоль переулка шел крыша к крыше ряд трех-, четырех- и даже пятиэтажных домов с мансардными крышами, увешанными веревками с бельем, с разнокалиберными балконами, с балюстрад коих спускались на стены кудрявые плющи и вьющиеся розы – парижские хозяйки выращивали их в глиняных кадках. По мостовой носились мальчишки с длинными прутьями, две дамы стояли у крыльца одной из дверей, тихо беседуя. Они тотчас же замолчали и недобро уставились на пришельцев.

– О, это опять вы, – заметила та, что была чуть старше. Султан темных перьев на коричневой шляпке воинственно колыхнулся. Она нервно отдернула складки платья и сделала шаг навстречу.

– Бонжур, мадам, – воскликнул Мечников, отвесив поклон. – Нет никаких причин для волнений. Месье, – он указал на Иноземцева, – будет здесь жить, и только.

– Бонжур, – робко отозвался Иван Несторович. – Я нисколько вас не побеспокою, ручаюсь честью.

Дама строго оглядела русского доктора и, фыркнув, отвернулась к собеседнице.

Бывший ординатор перевел недоуменный, испуганный взор с француженок на Мечникова, а следом поглядел на Луара, в надежде, что тот объяснит недоброжелательность будущих соседей. Луар вскинул брови, виновато пожал плечами.

– Они нас недолюбливают еще с прошлого нашего знакомства. Это все из-за собак, – хихикнул он, а потом шепотом добавил: – Вы отлично говорите по-французски, но придется привыкнуть к парижскому акценту, тогда легко можно сойти за своего.

– Поверьте, Иван Несторович, это будет на пользу, – подхватил Мечников, продолжая сиять улыбкой, аки медный таз. – Да не делайте таких испуганных глаз. Никто вас гонять не будет. Париж – город интернациональный, космополитный. Давно уж французы ни с кем не воюют и революций не устраивают. Франция стала воистину страной покоя, безмятежности и просвещения, права и свободы граждан почитают как Бога. Но! Но здесь, грек вы, немец или даже китаец, лучше быть при этом парижанином.

«Странно, – пронеслось в голове Иноземцева, который, увы, почти не слушал речей биолога, зато пристально наблюдал за его этой странной неугасающей ухмылкой. – К чему бы столько радости? Уж не над ним ли они хохочут? Скрывают что-то? Как-то грубо Илья Ильич одернул препаратора. С чего бы?»

Но тотчас же одернул самого себя: «Наверное, я совсем пессимистом сделался, унылым, неисправимым пессимистом. Нехорошо так думать. Ученые перенесли столько возмущенных нападений, столько инсинуаций, столько обвинений и недовольств со стороны парижан, чтобы наконец обрести признание. Вот, в конце концов, и перестали огорчаться вовсе. Кропотливый труд искателей глобального в малом привил им удивительную привычку никогда не отчаиваться. Надо бы и мне последовать их доброму примеру и перестать на всех глядеть как на недругов каких. Эх... И все-таки они тайно надо мной потешаются, не иначе...»

Дом, который муниципалитет Парижа, в лице месье Кристофаля выдал лаборатории Пастера, оказался, наверное, самым старым, самым низким – всего в два этажа, и узким из всех – около шести-восьми саженей в ширину. Он был втиснут между двумя другими домами, словно сухонький старичок меж стройными упитанными парнями, явившимися поглядеть на уличных балаганщиков, и терялся в толпе других домов. Зато имел прочную, старинную, с резьбой и сделанную на века, дверь, четыре окна, балкон и, что самое важное, по словам Мечникова, огромный подвал, где можно было разместить целую фармацевтическую фабрику.

– Подземное пространство замечательно компенсирует узость надземных помещений, – тоном Чичероне вещал Илья Ильич по дороге к крыльцу.

Иноземцев боязливо потянулся к резьбе двери, провел ладонью по замысловатому рисунку. То был мифический цветок – из тех, что изображают с острыми клыками вместо лепестков. Цветок без бутона, но с развернутой пастью. Иван Несторович возил пальцем по линии зубов и молчал, ощущая холодную волну острого беспокойства. А сможет ли он находиться здесь в безопасности? На улице, где об ученых заведомо шла дурная слава. Не слишком ли малолюден район? А что находится за рынком? Не много ли здесь ночных хулиганов? В Париже водятся дикие животные? Наверняка есть зоосад...

Страх, проклятый страх беспрестанно порывался наружу. Он возникал вспышками, являлся из ниоткуда, всегда был необъясним и заставлял втягивать голову в плечи и дрожать против воли.

В поисках ответа Иван Несторович поднял голову, еще раз оглядел фасад. На него смотрело старое сморщенное чудище с четырьмя глазами, с плотно сжатым ртом-дверью. Мечников и месье Луар терпеливо дожидались, пока их новый знакомый совершит знакомство с крыльцом и наконец решится переступить через порог.

Ох, как не хотел Иноземцев снова стать жертвой чьих-нибудь фокусов, издевок, розыгрышей и прочих забав подобного рода. Ох, как не хотел, чтобы кто-либо принялся подливать ему в чай какую-нибудь гадость, оказался вблизи его постели, когда он спит, или тайком стал впускать животных, причем диких. До сих пор нет-нет да мелькнет во сне перед глазами остро-зубая зловонная пасть гиены⁵.

И потому, едва он шагнул в прихожую, тотчас стал исподволь изучать двери, окна, замки, в уме подсчитывая, хорошо бы сменить все замки, на окнах поставить решетки, запереться, закрыться, спрятаться. Молча Иван Несторович оглядывался, но старался не выдавать своих опасений и замыслов.

Внутри дом был еще более стар, чем внешне, от стен отходила штукатурка и обивка, мебель одряхлела – здесь никто не жил лет сто. Осторожно ступая по толстому слою пыли, хрустя осколками стекла, щепками и прочим мусором, трое ученых обходили будущие владения Ивана Несторовича – две комнаты внизу, не считая прихожей, одна – большая, просторная – наверху, и витая лестница из прочного дуба, пребывавшая довольно в сносном состоянии. На обоих этажах в восточной стене имелись камины, оба не пустовали, содержали остатки золы и полуистлевшие ножки то ли некогда стула, то ли еще какой мебели, безжалостно отправленной в топку, – сюда, бывало, захаживали бродяги, но после вмешательства месье Кристофаля окна-двери заколотили заново, и с тех пор никто уж и не проникал в эти стены.

– Благодарю, – наконец молвил Иноземцев по-французски. – Отличный дом, настоящая крепость для меня. На лучшее я и рассчитывать не смел. Вот здесь, – он указал на широкий обеденный стол, заваленный мусором, – я и буду изучать материал. А внизу, в одной из комнат, я заметил кушетку – она послужит мне спальней.

– Иван Несторович, – насупился было Мечников, – но пока тут не приведут все в порядок...

– Нет-нет, я сам, – вскричал Иноземцев, переходя от волнения на русский. Вновь тревога всколыхнула сердце – всем только того и надо было, лишь бы потешиться. И эти двое сейчас стояли и смотрели, точно в ожидании, что Иноземцев сдастся. Чего они все время улыбаются, наблюдая за его пугливыми шагами и взглядами? Небось ждут, когда доктор наконец сдастся и позабавит их своей историей, как медленно сходил с ума...

«Нет, нет, – тут же мысленно возражал Иван Несторович, – как можно, как можно? Какого нелепого мнения он об этих чудесных, великодушных господах».

Но тем не менее всем сердцем он хотел, чтобы его оставили в покое.

Усмирив бурю внутри, Иван Несторович поспешил успокоить Илью Ильича и месье Луара, глядевшего с толикой недоуменной насмешливости, произнес пламенную речь о желании никого не утруждать и по возможности несколько упорядочить свои мысли и чувства, занявшись собственным обустройством. Оба ученых из вежливости еще раз попросили отказаться от столь странной идеи, каждый гостеприимно предлагал свои квартиры, но Иноземцев оставался непреклонным, и, в конце концов, те удалились.

---

⁵ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Оставшись наедине с собой, Иноземцев вздохнул. А потом достал из саквояжа карманный фонарь с сухой электрической батареей в цинковом футляре, приобретенный им в Лавке чудес техники в Варшаве, где пробыл проездом почти сутки. Стоил этот экспериментальный прибор всего ничего, свет выдавал очень тусклый, но горел добрых полчаса.

Вот за это время и нужно успеть исследовать расхваленный биологом подвал.

Иноземцев тотчас же, как вошел, заметил в прихожей квадратный люк с выдвижной ручкой. И, как только выпроводил будущих коллег, без промедлений направился к нему. Попытался открыть – провозился чуть ли не час. Пришлось потушить фонарик из экономии и справляться без него. В предвечернем полумраке, почти на ощупь, чувствуя себя Сайрусом Смитом или даже Робинзоном Крузо на необитаемом острове, долго искал среди мусора хоть что-нибудь, что походило бы на лом, ибо люк точно прирос к полу. Вспомнил тут и сейф, и Фомку с его недюжинной силой⁶. Хорошо бы сюда этого великана с ручищами-клешнями. Но справился-таки сам, воспользовавшись старинным двуручным мечом, выуженным из прочего хлама, – ненастоящим, конечно же, – то была какая-то грубая металлическая подделка для украшения стены над камином; тут же рядом валялся щит и его пара, с которого безжалостно откололи ручку со стеклянным набалдашником.

Усевшись прямо на пол, а ноги свесив в раскрытый люк, Иноземцев с удовольствием зажег карманный прибор. От люка шла деревянная лестница, свежая стремянка со ступенями шириной в ладонь, верно, недавно сюда занесенная, а сам подвал представлял собой низкое помещение, вычищенное и заставленное клетками. Судя по всему, господа ученые уже принялись заселяться, когда коварные аборигены с улицы Ферронри предупредили сей процесс.

Иноземцев трижды обошел сей погребок, насчитал по пятнадцать шагов вдоль и столько же поперек. И где же здесь фабрику можно было разместить? Совершенно бесполезный кусок пространства, да еще и клетки повсюду, ни для чего места нет.

Пожал плечами и вернулся назад. К тому времени зарядное устройство перегорело – теперь его можно будет разобрать и, если улыбнется удача, собрать заново.

Свет потух, стало страшно. Солнце окончательно скрылось за домами и больше не норвило пробраться сквозь щели в заколоченные досками окна. Еще пара часов, и наступит ночь. А ночь эту предстояло провести здесь.

Иноземцев опустил на ступеньку винтовой лестницы и закрыл на минуту глаза. Тьма подступала быстро, страхи смешались, смазались, будоража сознание отголосками воспоминаний. Милосердная память повыкидывала из своих анналов детали, но чувство осталось... Чувство постоянной скребущей сердце тревоги. Она где-то рядом, она за спиной, она шепчет у самого затылка.

С тех пор как вернулся из больницы, Иноземцев не спал и двух часов в сутки. Не мог дольше. Едва засыпал, как тотчас вскакивал от малейшего шороха. Двух часов хватало, чтобы восстановить силы, при условии всеобъемлющей усталости, а дальше – одно мучение и бесполезная трата времени. А чтобы заработать эти два часа, нужно было еще очень постараться.

Поэтому он встал, призвал на помощь остатки решимости, обвел взглядом стены и приступил к уборке.

Перетаскивая груды хлама со второго этажа вниз, к порогу, Иван Несторович обнаружил много полезных вещей. Самое ценное – две керосиновые лампы, которые тотчас зажег, благо бутылек с керосином всегда возил с собой. Одну поставил внизу, другую – на втором этаже. И все же это ненамного улучшило обстановку, если не сказать – усугубило ее. Свет расплзался тусклыми, зловещими языками, рисовал на стенах жуткие тени. Камин, потолочная лепнина, дыры в обоях и паутина по углам казались гигантскими чудовищами, окружившими бедного

---

⁶ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Иноземцева и готовыми к нападению. Казалось даже, они скрежещут зубами – то тут, то там раздавался подозрительный треск. Когда доктор находился наверху, с первого этажа доносились угрожающие шорохи, спустится – над головой шуршал и кряхтел потолок. Брр!

Иван Несторович изо всех сил старался не развивать в себе воображение, давил его, принимался топать по лестнице энергичней, шуметь и разговаривать сам с собой. А потом вдруг остановился, затих и, в очередной раз прислушиваясь, был осенен блестящей идеей.

От сердца тотчас же отлегло, лицо расцвело в улыбке.

– Все до единой детали, до единой щелки, угла и выступа нужно выкрасить в белый цвет, – проговорил он с азартным шепотом.

Белыми будут и стены, и потолок, и лепнина, и шкафы, стол, стулья, кушетка, оконные рамы, жалюзи и тяжелая старинная дверь с ее замысловатой резьбой, и даже крыльцо, и крыша тоже. На белом видно все! Белый цвет словно светится во тьме. Все помнят, какой светлой бывает зимняя ночь после снегопада. Никто не посмеет прошмыгнуть незамеченным! Никто не посмеет ступить во владения доктора без его ведома!

Воодушевленный новой идеей, Иноземцев удвоил старание и лишь к утру закончил возиться с хламом. О том, что солнце встало, его известил резкий и гортанный крик водоноса с тележкой. Выбежав на крыльцо, Иноземцев скупил всю его воду и, заплатив пять франков супротив трех должных, наказал прийти вечером и пообещал столько же.

День принадлежал не ему, и в грязной тройке хирургу из Петербурга являться в Эколь Нормаль было неловко. Потому, лишь приведя себя в долженствующий вид, Иноземцев отправился на улицу д'Ульм.

В лаборатории Пастера действительно дел оказалось невпроворот, зараженные бешенством стекались сюда не только со всего Парижа, но со всей Франции и, видимо, уже и со всего мира. В приемной толкались русские (из Смоленской губернии – жертвы взбесившегося волка), четверо граждан Америки, бельгийцы, англичане, итальянцы.

Иноземцева подрадили в ассистенты к доктору Терриллону, возглавлявшему хирургическое отделение. Уже через час работы роли ассистента и доктора были пересмотрены. Иван Несторович взялся за дело со свойственной ему энергией и решительностью, Терриллон же, окончивший медицинский курс прошлым летом, занял место ассистента. Иноземцев очень быстро вспомнил, как управляться с инструментами, а француз усталось лишь с восхищением отступить в тень и взять на себя асептические работы.

– Что это за странный шрам у вас на предплечье? – не удержался он от изумленного вопроса. Иноземцеву пришлось закатать рукава, а белые гуттаперчевые перчатки прикрывали лишь запястья.

– А, – отмахнулся Иван Несторович, – эксперимент по трансплантации кожи. Тоже, как ни странно, с укушенными история⁷...

Он был так погружен в процесс, что не заметил, с каким удивлением Терриллон разглядывал его руку. Частью мозга Иноземцев пребывал в работе, частью он думал, где бы достать столько белой краски, чтобы хватило на осуществление его затей. А тут вдруг упоминание о шраме заставило призадуматься, он выпрямился, глядя в сторону. Вот ведь Ульянушка рисковала, как с этой гиеной. А покусай питомицу какая-нибудь петербургская бешеная собака, ведь не спасли бы ни ее саму, ни зверя. Вакцины ведь тогда не существовало! Прививка от бешенства была очень сложным изобретением. Ивану Несторовичу и в голову б не пришла такая удивительная штука, как высушенный мозг зараженных кроликов, причем с разной вирулентностью патогена, вызывающего болезнь. Победить опасный возбудитель можно лишь в несколько приемов. И патоген сей был до того мал, что пришлось специально изготовить особый фильтр

---

⁷ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

для него. Заслуга изобретения фильтра принадлежит Шамберлану. Без фильтра Пастеру пришлось бы работать вслепую. Но и до сих пор никто не знает, откуда взялся возбудитель и как его искоренить навеки.

«Гениально!» – завидовал Иноземцев.

Больному делали от десяти до пятнадцати уколов, и в течение двух недель пациент уже был совершенно здоров, лишь шрамы от укусов хранили память о страшном событии. А ведь когда-то не могло быть и речи о том, чтобы выжить после укуса бешеной собаки. Месье Пастер положил жизнь ради того, чтобы прийти к такому победному результату. Как истинный человек науки, он, конечно же, довел себя до невыносимого нервного истощения, до сердечных колик, от постоянного бдения и умственных работ у него начали отниматься руки, язык. Но всегда ходил с добродушной улыбкой на устах, всегда всех радостно приветствовал, находил одобрительные слова.

Эти французы! Ну ничто их не брало.

Только позже Иноземцев понял, отчего казалось, что все вокруг так странно улыбаются. Не странно, а просто улыбаются. Нрав такой был у этих французов – легкий.

Да и на цивилизации здешней столь легкий нрав нации и беззаботность мышления сказывались – дома, улицы города были ухожены, по ним разъезжали фиакры, воздушные одноколлки, экипажи с именитыми гербами, имелся и общественный транспорт – omnibuses – двухэтажный тарантас, запряженный парой выносливых лошадей, всюду электричество проведено, водопровод. В Петербурге до сих пор город газом освещали, а тут, едва сгустятся сумерки, что-то щелкнет вдалеке, и разом вспыхивают одна за другой яркие лампочки уличных фонарей – вот чудеса!

Так ведь и несложна была эта самая электрификация – нужна электромашинка типа кольцевой машинки Грамма или альтернатор Ганца и провода медные. Все это установить в подвале... – подсчитывал Иноземцев. И, конечно же, соответствующее разрешение потребуется.

Домой, на улицу Медников, он ушел под вечер. В задумчивости глядя на уличное освещение, шагал и размышлял уже не о белой краске, а о медных проводах и о том, как их по земле стелить, как к стенам крепить, где генератор тока раздобыть. А сейчас разных альтернаторов было множество – и на газу, и на пару, и гидравлические.

Постепенно, погружившись в кипучую деятельность, Иван Несторович стал оттаивать, начал забывать о своих приключениях и неудачах, реже вспоминались ему Ульяна, воздушный шар, гиена да стены палаты отделения для буйных⁸. Он по-прежнему почти не спал по ночам, но было ради чего – мечта превратить полуразрушенное строение XIV века в лабораторию, сверкающую чистотой и белизной, с электричеством и водопроводом.

Днем он был хирургом во врачебном халате, а вечерами и глубокой ночью – плотником и маляром в заляпанных краской рубашке и брюках и газетной панаме на голове. С удивлением соседи глядели на закатавшего рукава русского врача не слишком ловко, но упорно и самозабвенно карабкавшегося по строительным лесам, которые сам же и соорудил, с ведром белой краски, с валиком в руках и фонариком, чудным образом прикрепленным ко лбу. Такая бурная деятельность невольно расположила к нему всю улицу. Одни советом помогали, другие инструментами, третьи давали адреса толковых мастеров. Но Иноземцев благодарил и отказывался, решив, что справится сам. Лишь с электричеством и водопроводом пришлось прибегнуть к помощи более сведущих специалистов.

О его тайных отделочных работах вскоре стало известно членам команды Эколь Нормаль, что вызвало море восторгов и похвалы. И среди ученых тоже тотчас сыскались помощники. Но, когда французские коллеги Иноземцева явились поглядеть на результаты стараний русского доктора, от изумления лишь рты разинули.

⁸ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Стоял конец ноября, улица была погружена в серость предзимней поры, а посреди унылых фасадов красовалось нарядное белоснежное здание – упрямство Иноземцева заставило его довести замысел до самого победного конца – и крыльцо, и жалюзи на окнах, и крыша, даже печная труба были белыми, комнаты освещались электрическими лампочками, в раковинах плескалась вода.

– Это гениально, – изумленно проронил кто-то из ученых, Иноземцев не видел, но то ли Гранше, то ли Дюкло. – На белом тотчас же видна вся грязь, что позволит содержать лабораторию в идеальной чистоте. В этот цвет следовало бы выкрасить все больницы, все госпитали...

Внутри почти не было никакой обычной мебели, только множество приколоченных к стенам полок с книгами и рядами стеклянных банок с реактивами, кушетка, заново обтянутая белой клеенкой, пара кресел. На большом столе в полнейшем порядке расставлены лампы, колбы, реторты, перегонный аппарат, весы, в углу – кипа папок с записями. На втором этаже Иноземцев изучал споры, а на первом принимал частных пациентов, с большей части которых не брал платы. После того как бывший ординатор отличился в хирургическом отделении Эколь Нормаль, больные, что он вел, плавно перекочевали к нему, а те стали рекомендовать его своим знакомым, позволив расширить частную практику до нескольких десятков. Вся улица лечилась у него от синяков до скарлатины. Детишки бегали к нему без присущего перед врачами страха то пластырь поставить на ушибленную коленку, то за пастилкой для больного горла, то просто так поглядеть, как тот разноцветные жидкости смешивает.

Пастер был несказанно благодарен молодому русскому врачу. Еще бы с десяток таких работников, и можно спать спокойно, не опасаясь, что кто-то будет обойден приемом.

Казалось бы, Иноземцеву совсем стало житья распрекрасно. Работал с лучшими врачами Европы, открыл собственную лабораторию, амбулаторию при ней, прославился на весь Париж, начал писать статьи в медицинские журналы по спорам и в защиту вакцин, бывало, даже газетчики тревожили, с бесцеремонной навязчивостью щелкая фасадную стену на фотоаппарат, а порой пытались приставать с расспросами, – и это за какие-то полгода. Да он в сумасшедшем доме дольше просидел! Но русский человек, видимо, не умеет (или не хочет) радоваться достигнутому. Сначала доктора охватила тоска по Петербургу, потом – по русской речи, и – уж что ни в какие ворота! – по родной Обуховке. А как только его лаборатория была закончена, да и в связи с торжественным открытием Института Луи Пастера больных приуменьшилось, Иноземцевым вновь обуревал болезненный страх преследования.

По вечерам, если не было пациентов, оставаться одному становилось невыносимо до тошноты. Спать – тем более. У него и кровати-то не было, кушетку оставил для больных, а ночь проводил одетым, в кресле или за столом, уронив голову на распахнутые книги и тетради. Даже собственную теорию выдумал на сей счет – будто спать сидя полезней, кровь к голове не приливает.

Тогда Иван Несторович решил, что нужен хоть кто-то, кто мог бы быть рядом, кто рассеивал бы эти ночные страхи неслышной возней, пыхтением и тявканьем. И взял из Института дрессированного сторожевого грифона – всего сплошь черного, лохматого и с глазами, как у... Ульянушкиной гиены точь-в-точь. Пес Ивану Несторовичу понравился еще, когда того привезли в лабораторию Эколь Нормаль всего в крови и едва дышавшего. Так вышло, что никого из ветеринаров в тот день не оказалось, и он сам впервые в жизни ввел вакцину от бешенства живому существу. До того – а не прошло и месяца – лишь раны штопал да заживляющие компрессы ставил. Руки тряслись, шприц с вакциной ходил ходуном над обездвиженным хлороформом лохматым тельцем.

После того дня выживший пес единственной родной душой стал. Гладил Иноземцев его по холке и Герочку⁹ вспоминал, вздыхал печально, с тоской осозная, что невыносимо скучает и по гигиене, и по ее взбалмошной хозяйке.

С собакой стало поспокойней, но сон восстановить Иноземцеву так и не удалось. Все мерещилось, что кто-то подходит сзади, к затылку, плечам прикасается, за руки хватает. Вскрикивал среди ночи с криком, на невидимого пришельца бросался со стулом наперевес, бывало, и расколотит сослепу что-нибудь. А засветив лампу, убеждался, что привиделось. Соседи поутру, столкнувшись с ним, устремившимся на службу, допытывались, кто это, месть Иноземцев, у вас ночью сегодня истошно кричал, оперировали кого-то? Доктор бледнел, как бумага; пробурчав какое-то оправдание под нос, спешил удалиться.

Миновало еще полгода, но ничего не изменилось. Лечить больных – лечил, продолжал работать в Институте, даже лекции читал по общей химии – несколько часов в неделю для вольных студентов. А мыслями был занят лишь одними – как бы свою крепость еще неприступней сделать.

Вспомнилась тут одна статья в газете, прочитанная давно, но несказанно удивившая тогда юного Иноземцева. В далеком американском городе Бостоне была изобретена настоящая охранная сигнализация, работавшая на постоянном токе. Туманно автор излагал суть ее действия – простейший механизм из аккумулятора, медной проволоки, электромагнита и большого пожарного колокола; напоминал он электрический звонок. А звонок у Иноземцева имелся. Да и после нескольких долгих попыток Ивана Несторовича провести электричество в дом самостоятельно он свел знакомство с одним весьма толковым инженером, изучил массу трудов по физике и уже приобрел некоторую сноровку в подобного рода опытах.

На следующий же день он добыл целую катушку изолированной гуттаперчевой проволоки и круглую чашу тонкой стали с молоточком, какие обычно устанавливают в банках и на пожарных станциях. Был воскресный день, и Иноземцев полностью посветил его работе над системой сигнализации. Соорудил электромагнит, кое-как собрал аккумулятор, установил их справа от входной двери, а над ним колокол. И стал тянуть от сей премудрой системы провода, от двери к окну, от окна к двери другой комнаты, потом к лестнице и так оплел проволокой все дверные и оконные косяки, про себя отметив, что придется их закрашивать, – уж очень они некрасиво выделялись и портили белизну комнат. Когда цепочка замкнулась аккуратно у звонка, систему осталось соединить так, чтобы, когда какая-либо из дверей или окон открывались, молот приводился в действие. Он еще не решил, как лучше это сделать, и в качестве пробного варианта над проемом входной двери прибил пластину с соприкасающейся к ней пружинкой. Дверь открывалась, пружина касалась пластины, система замыкалась, посредством электромагнита ток приводил в действие колокол. Но собранный им из свинцовых пластин и раствора серной кислоты аккумулятор отчего-то не хотел вырабатывать ток. Иван Несторович уселся прямо на пороге у раскрытой двери, засучил рукава и, шурясь от яркого весеннего солнышка, долго и так и эдак соединял-разъединял проволоку.

Мальчишки, что без усталости носились по улицам, тотчас обратили внимание на манипуляции соседа. А тот всегда интересные опыты демонстрировал своим юным слушателям, был добр, никогда не гнал и, даже если кто что, бывало, разобьет, не серчал. Тотчас побросали они свои деревянные шпаги и окружили его. На Иноземцева посыпался шквал вопросов, и тот счел своим долгом дать пытливым детворе пару уроков по физике. Осененный идеей, что вместо аккумулятора можно воспользоваться электричеством, он отодвинул емкость с пластинами и раствором и принялся за электрические провода, не переставая рассказывать детворе про ток, свойства магнита, проводников, цитируя Ома, Лейбница, и пожурил на тот счет, если им взду-

⁹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

мается совать пальцы к оголенной проволоке, подключенной к электричеству. При этом его тут же самого дернуло током. Система заработала!

Воодушевленный победой, Иноземцев продемонстрировал работу охранной сигнализации. Ребята восхищенно смотрели, как при одном малейшем движении двери тотчас принималась звенеть гигантская чаша на стене.

– Но это не все, – печально заметил Иноземцев, – теперь нужно будет подсоединить окна второго этажа и дверь, что выходит на балкон. Тогда систему можно будет считать законченной. А пока проникновение невозможно только через крыльцо.

Вот этого говорить не следовало. Тотчас же нашлись вообразившие, что дом Иноземцева – это второй банк «Националь». Кто поверил бы, что доктор просто из соображений собственной чудаковатости стал устанавливать сигнализацию?

Его обчистили на следующий же день, невзирая на присутствие сторожевого гриффона. Иноземцев вернулся из Института, вошел, отключил молоточек, принявшийся нервно колотить, оглушая пространство полупустых белых комнат хрустальным перезвоном, и обмер. На полках царил беспорядок, на лестнице бесцеремонно были рассыпаны порошки, словно кто-то второпях споткнулся и налетел на стеллаж. Пес, поджав хвост и прихрамывая, выполз из-под ступенек. На втором этаже беспорядка было еще больше – тетради, папки, прежде сложенные в аккуратные столбики, покрывали весь пол, а поверх красовались грязные следы от мужских сапог, которые вели к распахнутой настежь балконной двери. Унесли кое-какие инструменты и микроскоп, который Иноземцев, между прочим, сам модернизировал и очень им дорожил. Благо дома сбережений у него почти никаких не осталось. Все, что получал, тут же кредиторам сносил – долги возвращал. Услуги по установке электромашины в подвал, газопровода, ибо Иноземцев остановил свой выбор на газомоторе, что приводил в действие сам генератор, а также электрических проводов и водопроводных труб и краников влетели, однако, Иван Несторовичу в немалую копеечку, а точнее, не в одну тысячу франков.

Сие вторжение, которого доктор никак не мог ожидать, привело его в неописуемый гнев. Но полицию звать он не стал. Походил, пометался вокруг стола, как разъяренный лев, порывал, отругал пса и отправился на улицу Ришелье, в оружейную лавку. Никого убивать он, разумеется, и не думал. Просто револьвер приобрести очень захотелось. Пора было научиться пользоваться и таковым не слишком гуманным предметом личной безопасности.

Выбрал Иноземцев самый большой и тяжелый – «лебелъ» 1874 года с откидным барабаном и целую коробку 11-миллиметровых патронов к нему присовокупил.

А потом несколько ночей подряд соседи не могли заснуть, ибо из подвала белоснежной лаборатории доносилась дьявольская канонада. Но никто не посмел подать жалобу или явиться к нему на порог с недовольствами. Что они – изверги? Вся улица, чуть что заболит, – сразу к русскому доктору. А тут такое несчастье – обчистили.

Иноземцев прежде не пользовался подвалом, не стал его белить и электричества в него не проводил. Маленькое, низенькое помещенье с лесенкой и рядами клеток ему пригодились лишь для того, чтобы установить в нем генератор тока. А сейчас с диким удовольствием он спускал обойму в одну из стен, заполняя пространство подвала дымом. Стрелял, пока не заканчивалась коробка и пока не становилось нечем дышать, а вечером, после службы, шел приобретать следующую. Оружейник уже принялся косо поглядывать на молодого человека, являвшегося к нему чуть ли не ежедневно, – неразговорчивый, с напряженным, хмурым лицом. Такие клиенты всегда вызывали настороженность. Никак бандит какой, маньяк или революционер. Так еще и русский эмигрант, хотя говорил по-французски невероятно чисто – внял Иван Несторович совету Мечникова и все слова старался произносить по-особенному, по-парижски. Если бы однажды Иноземцев не выругался себе под нос на своем на родном русском, то лавочник так бы и считал его настоящим парижанином.

«Все, – решил он, – явится завтра опять, пойду в полицию».

Но Иноземцев не явился.

В тот день, едва он достал револьвер и уже приготовился спуститься в свою импровизированную оружейную залу, в дверь позвонили. Иван Несторович не ждал никого и, держа в руках пистолет, почему-то перепугался. Осторожно сжав рукоять «лебеля», он стал подкрадываться к балкону, добрался до двери, выглянул наружу сквозь просвет жалюзи. На крыльце стоял паренек лет четырнадцати, босой, в закатанных до колен штанах и потрепанной короткой курточке. Он держал в руках микроскоп и, переминаясь с ноги на ногу, озирался, боязливо косясь на крыши.

«Видимо, каким-то чудесным образом разыскался прибор, и его нынче возвращают хозяину», – подумал, вздохнувший с облегченной радостью, Иноземцев.

Иван Несторович незамедлительно спустился вниз и открыл дверь. Паренек быстро всучил прибор удивленному доктору, не успевшему сказать ни слова, и припустился в бег. Бежал, как-то неестественно согнувшись, прикрывая руками затылок и отчаянно крича: «Нет, пожалуйста, не стреляйте, нет!»

Иноземцев еще долго стоял, в недоумении глядя вслед. И после сего случая револьвер спрятал в коробку, убрал на одну из полок и больше не доставал. А так как система охранной сигнализации теперь была налажена на всех дверях и окнах, да и памятуя ночную канонаду, грабители к нему больше не заглядывали.

Глава II. Полцарства за урок

Миновало два года с тех самых пор, как Иноземцев перебрался из Петербурга в Париж. Жизнь текла плавно, своим чередом, наполняя событиями будничными, а порой и занимательными. Иван Несторович продолжал читать лекции в Институте Пастера на улице Дюто, принимал больных на Ферронри, иногда проводил операции для студентов, как, помнится, делал его наставник Троянов, но продолжал сторониться людей. Ни домохозяйки себе не взял, ни помощниками-лаборантами не обзавелся, предпочитая во всем справляться в одиночку.

Утро начиналось с того, что он самолично проводил дезинфекцию всех комнат, даже для этого собрал механизм на колесиках и лебедках, с системой распыления раствора хлорной извести, метелочками и несколькими выдвижными ручками с гигроскопичными наконечниками. Огромные мохнатые лапы плыли по стенам и полу, одним махом вбирали всю гадость в себя. Катишь такое устройство перед собой, напоминающее большого механического паука, а все вокруг вновь сверкает прежней белизной. Ведь белые стены и полы быстро пачкались, особенно когда за день по ним пройдет сотня пар ног. Операции и ряд хирургических манипуляций тоже оставляли свой след на белоснежных кушетке, стульях и столе лаборатории. Будучи в некоторой степени и в некотором смысле ужасным педантом, Иноземцев тотчас же стал и страстным поборником антисептики, мгновенно прославившись тем, что никогда не расставался, несмотря на ужасный запах, с флакончиком формалина, которым почти сжег свои ладони, но продолжал использовать.

Потом он отправлялся на овощной рынок и за несколько су приобретал корзинку овощей, фруктов и зелени. На пару с Мечниковым Иноземцев стал добровольным участником эксперимента в развитии идеи вечной жизни. Оба ученых были глубоко заинтересованы борьбой с вредными микробами, укорачивающими человеческую жизнь и вызывающими преждевременную и мучительную старость с ее сосудистыми, нервными и другими поражениями; изучением режимов, способствующих нормальной старости и наибольшей долговечности. Но мнения придерживались диаметрально противоположного. Илья Ильич утверждал, что следует с самого раннего детства засевать кишечник полезными микробами и удалять вредные, а для того необходимо вводить в рацион молочнокислые бактерии, отказавшись от сырой пищи. Иван Несторович же, напротив, настаивал на практике сыроедения, благодаря которому, по его мнению, кишечник сам начнет вырабатывать необходимую флору, а та в свою очередь станет успешно бороться и с бациллами Уэлша и стрептококками. А к молочнокислой среде Иноземцев относился скептически, настаивая, что продукты секретиции крупного и мелкого рогатого скота никакого отношения к здоровому питанию отношения не имеют, а лишь присовокупляют к человеческим болезням свои собственные.

Споры были до того жаркими, что пришлось прибегнуть к эмпирическому пути, дабы дать истине воссиять во всем ее блеске. И оба ученых поручились, что на протяжении некоторого времени будут употреблять в пищу только то, на чем настаивали, каждую неделю записывая объективные и субъективные показатели здоровья.

Со времен бюловских приключений Иноземцев не мог без отвращения глядеть на привычную ранее кухню. Ему всюду мерещилась человечина, и он давно перешел на совершенно натуральную пищу. А наличие овощного рынка за углом и отсутствие кухарки дома привело его на путь сыроедения раньше, чем это понадобилось для эксперимента, о чем с удовольствием он вел дневниковые записи по своей незыблемой привычке постоянно записывать все любопытное.

Илья Ильич ужасался, когда видел, как тот, отодвинув от себя тарелку горячего супа, с хрустом разрезал ножом сырой капустный лист, заявляя, что с каждым днем эксперимента чувствует себя куда лучше прежнего.

– И зачем мне было изобретать пилюли от нервных и прочих расстройств?! – восклицал Иноземцев. – Следовало бы с самого начала обратиться к витализму. Мы есть передвигающаяся в пространстве химия, природный автоматон, ходячая гальваническая батарея. Органические вещества служат для нее топливом. Их можно поставлять извне и без всякого синтеза! Так как есть, в их естественном виде. А уже внутренняя наша лаборатория знает, как употребить разложенные на атомы вещества с максимальной пользой.

Надо сказать, что чувствовал Иван Несторович себя действительно отменно. Расстояние от улицы Медников до улицы Дюто ежедневно преодолевал пешком и до самого вечера как заведенный проводил в Институте, а потом и целую ночь трудился над микроскопом. И никогда прежде не чувствовал такой ясности мысли.

Теперь на пленение свое в больнице Святого Николая Чудотворца он взирал как на горький опыт, который, как всякому человеку науки, проглотить пришлось равно что горькую пилюлю. Уж если неизведанное взялся изучать – приготовься к провалам и неудачам. Постепенно разобрался в статьях своих и записях, что вывез из Петербурга. В ознаменование победы над страхами и предрассудками Иноземцев вспомнил и записал рецепт изобретенного им луноверина.

С чувством торжества и безразличия, с холодным сердцем и ясным умом, он приготовил состав, собрал кристаллики в банку из-под сухого морфия и надписал: «Яд из ядов. Луноверин. Рецепт уничтожен 9 марта 1889 года». И в шкафчике запер с лекарствами – как напоминание о торжестве над веществом, чуть не сотворившем из него самого настоящего беспринципного и уродливого монстра без души и рассудка¹⁰.

Он с радостью отдавался работе всем сердцем и душой и умом человека, полностью владевшего собой.

Но иногда в работе наступало некое затишье, забот становилось меньше. И в такие дни деть себя было совершенно некуда! Иноземцев оборачивался, пересчитывал сделанное, и вдруг его пронзало сомнение – а он ли все это время работал с Пастером, он ли писал статьи, он ли проводил операции? И так ли действенен витализм? Человек ли он? Или механическая человекоподобная машина, андроид Жаке-Дроза?

Вообразите себе особу, которая привыкла говорить сама с собой, вдруг с ужасом обнаруживающая, что рядом нет никого, кто мог бы ответить.

Дикая, болезненная отстраненность, жажда одиночества и боязнь шума сотворили из него чучело, автоматон с функциями доктора. С ужасом Иноземцев обнаруживал, что страшно одинок. И жалость к себе гнала его вон из лаборатории. Часами он бесцельно болтался по улицам в раздумьях, придя к неутешительному мнению, что самоотречение в работе, а следовавшая за сим апатия и беспамятство – всего лишь не самая лучшая черта его характера, веществом им открытым лишь усугубленная тогда в Петербурге. И без луноверина он хоть не проявлял симптомов деменции, но, бывало, страдал тем, что вдруг терял способность что-либо ясно запоминать, мыслями пропадал в заоблачных фантазиях, теряясь в исследованиях собственного подсознания. Перечитывал собственные записи – получался редкостный бред. Было жаль потраченного времени, руки опускались, и Иноземцев с досадой признавал, что ныне нет возможности сбросить вину своей хандры на наркотик или появление шутников вроде Ульяны и французской певички – мадам Натали, и безжалостных полицейских чиновников вроде Делина и Заманского. И витализмом дурной характер не излечить.

Порой писал отцу, но письма сжигал, ибо вызывали собственные строки лишь стыд и презрение. Ощущал себя Иван Несторович позорным неудачником и бельмом в летописи родословной славной семьи Иноземцевых.

---

¹⁰ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Так и продолжал спасаться бегством. Бежал от самого себя на улицы города, все равно куда, лишь бы прогнать давящую тоску и неотвязное чувство отсутствия в жилах жизни. В надежде бежал, что подобно аккумулятору сможет вобрать в себя растрченную энергию из внешнего мира, которого так боялся и которого так сторонился, но который, как и для любого живого существа, являлся источником той самой заветной энергии, что заставляет стучать сердце и исправно работать кровотоки. Он подолгу гулял на побережье Сены, поглядывал на рыбаков, неспешных и терпеливых, за тем, как мерно течет вода в реке, вспоминая родную Неву, в которой хотел в сердцах утопиться, иногда посещал русскую библиотеку на улице Валансис или же отправлялся к Марсовому Полю посмотреть, как продвигаются строительные работы трехсотметровой (около ста пятидесяти саженей по-нашему) ажурной стальной башни, что воздвигали к открытию Всемирной выставки чудес инженерного дела. Становилось легче. Нет, все-таки витализм помогает.

А башня, такая высоченная, широкая в основании, но сужающаяся к концу, быстро захватила воображение Иноземцева. Она должна была служить входом для предстоящего мероприятия, и совершенно немислимыми казались любые предположения, как же она удержится на запроектированной высоте. С особым любопытством Иноземцев наблюдал за ходом ее возведения, гадая, какой же она будет. Сначала появились четыре стойки, похожие на четыре слоновьи ноги – то были огромные бетонные тумбы, и доктор счел, что они достаточно прочные и весомые. Потом из тумб принялся расти металл, следом второй уровень показался – кружевной, изящный. Третий надстроили – Иноземцев оценивающе отслеживал каждую сажень, наблюдая, как быстро, точно муравьи, работают верхолазы, собирая башню из огромных деталей, поставляемых на стройку из мастерской. И так все два года. Невзирая на то что в газетах ее сплошь только и делали, что всячески бранили и грязью поливали, русскому доктору сия конструкция казалась невиданным чудом и олицетворением будущего – века науки и металла, века знаний и легкости. И он искренне огорчился, когда слышал в адрес сего произведения инженерного гения хулу, и никак не мог уразуметь, отчего вдруг все писатели и поэты Парижа разом посчитали ее дурновкусием.

Да где ж вы видели, чтобы так аккуратно, так ладненько стояли друг к другу фермы и балки да чтобы опоры имели столь изящный изгиб – и все это сплошь металл – легчайший из строительных материалов! Иноземцев каждое утро выходил на балкон полюбоваться верхушкой «Железной дамы». А однажды так вышло, что он встречал рассвет у постели больного – мансардный этаж дома в предместье Шайо – местность холмистая. Из окна чудесно просматривалась башня вся целиком, солнце поднималось, словно взбираясь по ней на небо, дополнило до шпиля и, оттолкнувшись, взмывало вверх – завораживающая красота, вот диво!

Ох, уж эти писатели, поэты и художники! Иван Несторович, кроме технической литературы, редко брал в руки книги высоких жанров. Может, оттого и не понимал людей искусства. Но за строительством башни наблюдал с большим чувством. И был рад, когда оно завершилось с триумфом инженерного слова над словом капризного бумагомарательства. А меся Мопассан во ознаменование своего презрения проводил в ресторане на первом уровне башни большую часть своего времени, если не сказать поселился в нем. Мол, дабы не лицедреть «уродливой каланчи». И чего ждать разумения от людей, поступающих так алогично?

Но сама Выставка доставила доктору лишь одни разочарования. То было еще начало мая, первые ее дни. Безумная толпа, давка, пестрая публика, пришедшая поглядеть, как поднимаются и опускаются подъемники на башне, движущиеся под наклоном, словно фуникулеры, хаос, муравейник, люди, люди, люди, которые не переставая что-то говорили, вскрикивали, визжали. С ужасом Иноземцев вспоминал и «Золотую книгу» на самом верху «Железной дамы», к которой все так рвались – оставить росчерк в память о том, что хватило смелости взобраться на такую высоту.

До «Золотой книги» Иноземцев так и не добрался, ему смелости хватило только на первый уровень. Кроме того, Иван Несторович, к своему удивлению, повстречал невообразимое количество знакомых, и случилось ему осознать некоторую степень собственной популярности. Из всех сил старался в тени держаться, а владельца белоснежной лаборатории, который никогда не спит и живет на одних лишь овощах, продолжая экспериментировать на своем здоровье, учит бесплатно и лечит бесплатно, все равно всюду узнавали, иные своим долгом почитали не только поприветствовать, но представить своим кругам – чиновникам всяческим, инженерам, финансистам, стряпчим. Те расспрашивали Иноземцева про электричество и водопровод, собранный по его чертежам и чуть ли не его руками, про устройство охранной сигнализации, которую он воссоздал по памяти из обрывков газетной заметки, про чудо-плесень расспрашивали, способную враз излечить самые тяжелые хирургические раны и быстро избавиться от любой раневой инфекции.

«И откуда только им все это стало известно?» – про себя негодовал Иноземцев.

Сжав зубы, он криво улыбался, на вопросы некоторых, чересчур докучливых, отвечал коротко, тотчас спешил удалиться, совершенно не расположенный говорить о том, в чем, к стыду своему, сам толком не разобрался.

Всего-то и хотел, что поглядеть на хирургический павильон да заглянуть в русский отдел, созданный стараниями Русского технического общества. Глава отдела – Евгений Николаевич Андреев – был одним из пациентов Иноземцева. Иван Несторович все пытался его отговорить от участия, но Евгений Николаевич ни в какую своего доктора не слушал, и, в конце концов, нервы свели того в могилу. Что стало еще одним поводом ненавидеть эту проклятую выставку.

А через неделю, после очередной лекции, к нему подошел один из студентов и, торжественно назвавшись, точно был по меньшей мере принцем крови, стал напрашиваться на частные уроки. Дескать, давно химией увлекается, мечтает заняться усовершенствованием огнестрельного оружия и оружия более устрашающего и даже имеет несколько начатых проектов, с которыми готов поделиться.

Иноземцев, еще не отошедший от горя после смерти пациента, нелюбезно покосился на юношу, одетого щегольски в белую летнюю визитку, в изящной, едва вошедшей в моду панаме на голове, с тростью и томно-придурковатой улыбкой во все ухоженное, загорелое лицо. Ему двадцати лет, верно, не было. Иван Несторович, разумеется, отверг его предложение. Какие еще, к лешему, частные уроки? С барчуками еще не возился, разжевывая очевидное. Больных уже за две сотни перевалило. Времени нет. Не ночью же учиться. Но студент не отставал, уверяя, что лучшей кандидатуры в учителя ему не сыскать, что платить он намерен две сотни франков за урок. Двести франков?! За статью Иноземцев получал сотню, за лекции нисколько, с большинства больных платы не брал, а меж тем над головой дамокловым мечом висел кредит в три тысячи, в конторе «Ф. и сыновья».

Нет, все равно нет.

Иван Несторович решительно отказал, сочтя уместным напомнить, что не имеет полноценного образования химика, что по большей части он хирург, а лекции читает в Институте лишь на благотворительных началах. А стоили они ему – эти несколько безумных часов в неделю – изрядно потрепанных нервов. Молодые люди хоть и приходили в Институт Пастера по собственной воле, но от привычных школярских проделок не отказывались. То мышей в аудиторию напустят, то клеєм кафедру залиют. Иван Несторович, однако, несмотря на то что розыгрышей всяческих страшно боялся, терпеливо же все сносил со снисходительностью, присущей всем педагогам. Но заниматься частными уроками – никогда!

– Вы из какой школы? – осведомился он.

– Из Сорбонны, – горделиво ответил студент, раздражающе посверкивая белоснежной улыбкой.

Барчук, как есть барчук. И химия ему не нужна, заскучал, видно, или проделку какую задумал.

– Обратитесь к месье Дюкло, – сухо отрезал Иноземцев и, подхватив с кафедры фолианты, направился к двери.

– Но ведь сам Дюкло мне вас и рекомендовал!

«Не рекомендовал, а попытался спихнуть», – про себя проворчал Иван Несторович, шагая дальше. Но в спину ему сей студент прокричал, что якобы он не сдастся и намерений завоевать расположение педагога не оставит.

Не прошло и двух дней, как подле Иноземцева, поздним вечером спешащего в свою лабораторию на улицу Медников, остановился глухой экипаж, запряженный четверкой породистых лошадок. Со ступеньки соскочил человек, наглухо застегнутый в редингот и с надвинутым на лоб котелком. Вежливо поздоровался, назвав Иноземцева по имени, и пригласил сесть.

– Мой господин желает вас на пару слов.

Остолбеневший от неожиданности, Иван Несторович не сразу сообразил отказаться, хотя мог и окинуть наглеца недовольным взглядом, прошагать мимо. Но отчего-то не стал этого делать. Хорошо, хоть улица достаточно освещена.

Сев в экипаж, он оказался напротив высокого господина на вид лет шестидесяти, но подтянутого и с очень загорелым лицом, резко контрастирующим с сединой густой шевелюры и усов. Одет он был в дорогой сюртук, в галстук сиял голубой бриллиант и с набалдашником на трости из драгоценного камня.

– Добрый вечер, месье Иноземцев, – проговорил седоволосый господин и протянул руку, добродушно улыбнувшись улыбкой до безумия знакомой. – Слышал много о вас, о вашей легендарной самоотверженности и преданности делу.

Иван Несторович чуть склонил голову в знак приветствия и благодарности, но не из излишней горделивости или заносчивости, он впился глазами в лицо незнакомца, пытаясь вспомнить, где мог видеть его. Загадочный господин показался Иноземцеву уже где-то не раз виденным. Пред глазами вся жизнь пронеслась за пару минут, пока он выискивал в закоулках памяти, когда прежде сталкивался с ним и где мог встречать ранее эту белоснежную наглавающую улыбку.

– Фердинанд Мари Лессепс, – тот вновь протянул руку, и Иноземцев только сейчас сообразил ее пожать. – Прошу простить меня, совсем забыл представиться. Привык уже, что все и вся меня знают.

«Ах, вот оно что, Фердинанд Лессепс! – просиял Иноземцев. – Человек, без лица коего не обходился ни один газетный выпуск, ни одно уважающее себя газетное издание, человек, который соединил моря Красное и Средиземное, построив Суэцкий канал, а ныне вознамерившийся соединить океаны – Тихий с Атлантикой – с помощью другого канала, на Панамском перешейке».

В общем, пред Иноземцевым сидел дипломат, предприниматель, политик, родственник императрицы Евгении – самый известный из французов, обогативший свою нацию на миллионы франков и на миллионы франков же ее обанкротивший. Ибо сколь удачна была затея с первым каналом, столь же провальна оказалась идея со вторым. То ли спешка сыграла свою роль, то ли геологические изыскания подвели, то ли авантюрные наклонности семьи Лессепсов, являющейся потомками Генриха Четвертого – отчаянного ловкача и комбинатора среди королей, но все в итоге обернулось едва ли не крахом. Весь мир ныне ждал лишь одного – чем закончится операция под названием «Панама».

Но Иноземцев-то зачем понадобился великому инженеру и финансисту?

– Дело в моем непоседливом отпрыске, – поспешил тот ответить на немой вопрос, застывший в застекленных очками глазах русского доктора. – Ромэн Виктор Лессепс – мой внук. Он подходил к вам дня два назад, не так ли?

Иноземцев махнул головой, тотчас вспомнив назойливого студента, обещавшего двести франков за урок. Лица деда и внука имели много общих черт, и улыбка эта была у них одна на двоих, возможно, и нравом авантюрным обладали оба в равной степени.

– Он одержим, – горестно вздохнул Лессепс, перестав вдруг улыбаться. – Связался с революционерами-анархистами и грезит оружием и баррикадами. Те и рады принять дурачка. Человек, который умеет обращаться с бомбой, всегда на вес золота. Да, еще если этот дурачок с такой фамилией и так богат. Ромэн спит и видит себя революционером. Решил, что химия – его конек, хотя, сразу признаюсь, он не имеет к ней никаких способностей. Его эксперименты не доведут до добра, он спалит дом и сам убьется.

Иноземцев опустил голову, тут же вспомнив себя и то, как его беспрестанно величали «бомбистом». Ему стало жаль бедного юношу.

– Я обратился сначала к месье Дюкло, – продолжал предприниматель, – что ныне преподает в Сорбонне. Тот, выслушав мои сетования, немного подумал и порекомендовал мне вас. Уж не обижайтесь, месье Иноземцев, на слова профессора, но они были сказаны с некой долей восхищения и звучали примерно так: «Если вы желаете, чтобы у мальчика пропала всякая охота к науке, отведите его к месье Иноземцеву. Более угрюмой и нелюдимой личности во всем Париже не сыскать, он – как настоящий средневековый алхимик с внешностью современного молодого человека. Сам с собой больше разговаривает, нежели с кем бы то ни было. Обитает в одиночестве, на пушечный выстрел никого к себе не подпускает, кроме своей собаки, которой, кстати говоря, даже клички не дал». Вы загадочный человек, месье Иноземцев, и поселились в месте весьма загадочном. Знаете, как в Париже любят таинственное и мистифицируют все, что хоть сколько-нибудь связано с непостижимой тайной? Я думаю, у вас бы получилось отговорить Ромэна бросить его затеи с селитрой, порохом, ртутью и прочими небезопасными игрушками.

– Совершенно не представляю, как мне удастся это сделать, – покачал головой изумленный Иноземцев. – Неужели я так дурно преподаю у Пастера, что ко мне обращаются с такими странными просьбами?

– О, я пытался предупредить ваше негодование. Возможно, вы меня все же не так поняли... Вовсе вы не дурно читаете ваши лекции! И об этом говорит безумное рвение Ромэна Виктора, с которым он приступил к экспериментам, после того как стал посещать улицу Дюто. Напротив, во время лекций вы дали ему несколько новых идей, но, увы, которые он не в силах осуществить. Целая тонна бумаги была изведена и разорвана в клочья, множество этих причудливых медицинских сосудов разбито... Я бы хотел, чтобы вы увели его в сторону, обратили внимание на что-нибудь другое, что принесло бы пользу человечеству. Он грезит о мире, а изобретает бомбу! Это очернит навеки славное имя Лессепсов, которое и без того вовлечено в огромный скандал. К тому же кому, как не вам, известно, сколь губительно может быть случайное изобретение.

Иноземцев побелел, лицо его вытянулось:

– Что вы имеете в виду?

– Причину, по которой вас выслали из Петербурга, причину, по которой вы едва не расстались с рассудком, месье Иноземцев. А может, и с жизнью!

– Кто вам сказал? Месье Мечников? – вскочил Иноземцев, но тотчас же ударился затылком о потолок экипажа и бухнулся обратно на скамейку.

– Нет, что вы! Как раз напротив. Он ничего не сказал; потому-то мне пришлось воспользоваться другими источниками, – предприниматель встревоженно потянулся рукой к доктору,

словно желая предупредить его чрезмерно нервную реакцию. – Больно? Зачем же так подпрыгивать? Вот, поглядите, ушиблись...

Было в этом движении столько сожаления, что Иноземцев несколько смягчился. Но по-прежнему взирал на миллионера с недоверием.

Лессепс достал из кармана в несколько раз свернутый пожелтевший газетный лист, по русским буквам и знакомому шрифту в нем Иван Несторович тотчас же узнал «С.-Петербургские ведомости». Под огромным заголовком «Сенсация года» одной лентой вился подзаголовок: *«Горький опыт Иноземцева И. Н. с алкалоидами, закончившийся в лечебнице для душевнобольных»*.

Невольно Иноземцев взял газету в руки и стал читать. Словно сквозь века тянулись строчки, перед глазами возникли серые стены, световой фонарь на потолке, за стеклом трепыхались ласточки, редкое движение открываемой-закрываемой двери, заходил, выходил надзиратель, в ушах стояла оглушительная тишина. Поваяло смрадом одиночества...

– И вы доверите своего внука помещенному? – холодно спросил тот. Статья заставила доктора ощутить сильнейший приступ презрения к себе. К финансисту. Ко всей его семье. Ко всему миру. Иноземцев едва не швырнул бумагу к ногам Лессепса. Его пальцы сжались, бумага издала надрывный хруст, будто затрещали ломающиеся кости.

– Да, – с необъяснимыми для доктора уверенностью и упрямством воскликнул Лессепс. Он сделал вид, что совершенно не замечает гримасы негодования на лице собеседника. – Не двести – пять сотен франков за урок! Вы не только ваши кредиты вскоре погасите, но и обзаведетесь солидным капиталом. Но помните – ваша задача очень узка. Нужно, чтобы у Ромэна пропала всякая охота к науке.

Голос его зазвучал на мгновение зловеще, ультимативно. Иноземцев ощутил укол в сердце, точно вдруг шелкнул невидимый капкан. Но Лессепс, либо заметив испуганный взгляд доктора, либо решив сменить интонацию, тотчас заговорил о другом:

– И не советую пользоваться услугами банковской конторы «Эф. и сыновья», они явные прохиндеи. Делайте вложения в банк «Националь». Скажете, что от меня – вас обслуживают как принца. Пять сотен франков за урок – немалые деньги. Нехорошо, если они вдруг попадут не в те руки. Вы же – я уверен – направите их в нужное русло.

Подмигнув Иноземцеву, он поднял руку, сделал два коротких удара перстнями по оконцу за спиной.

– Улица Медников, будьте добры, Дидье.

Тотчас карета покачнулась – видимо, месье в рединготе сел рядом с кучером.

– Ну так вы поможете нам? – осведомился Лессепс, разворачиваясь к поникшему Иноземцеву, когда карета тронулась. Иван Несторович поднял на того взгляд обреченного.

– Разве у меня есть выбор?

– Нет, что вы! – возмутился Лессепс. – Не смейте думать, что я намереваюсь вас шантажировать. Эту статью я показал только ради одного – напомнить, сколь пагубен путь изобретателя, забредшего во тьму неизведанного. Я бы не хотел, чтобы мой внук стал жертвой, впрочем, как и я, веяний нового времени и, как ни прискорбно об этом говорить, авантюристов и мошенников, расплодившихся вследствие технического прогресса. Все, что угодно, но только не бомбы, анархисты и прочие ужасы. Прошу лишь следить за его обучением и его работами. Вот ваша задача.

Карета, покачиваясь, скользила вдоль пустынных в поздний час улиц, сквозь морок тумана, пронизанный неясным фонарным светом. Какое-то время оба молчали, думая каждый о своем, был лишь слышен глухой отстук колес о мостовую и скрип рессор. Вскоре экипаж остановился. Лессепс крепко пожал доктору руку, пожелал всяческих удач, и они расстались. Воистину этот человек мог уговорить самого дьявола. Что для него пара миллионов обманутых французов и Иноземцев в придачу?

На следующий день, а точнее, уже поздний вечер, белоснежная лаборатория Иноземцева содрогнулась от настойчивого звонка. Вихреподобный внук месье Лессепса рассыпался в приветствия и слова благодарности, а следом взлетел по лестнице на второй этаж.

– Вот, значит, каково оно – логово алхимика нового времени, – восхищенно воскликнул он, разглядывая комнату с рабочим столом посередине. Гриффон прыгал под его ногами, радостно виляя хвостом.

«Предатель, вероятно, столь радушно и грабителей, поди, встретил», – подумал Иноземцев.

– Мне будет о чем рассказать. Не каждому выпадает честь попасть в чертоги магического реализма научного прогресса. Удивительно, а ламп вы не пожалели, все освещено, как днем. А где же вы спите? Всюду лишь рабочие кабинеты.

– Нигде, – отрезал Иноземцев и придвинул к краю стола несколько учебников. – Я вообще никогда не сплю. Приступим. У меня мало времени.

Как и предрекал великосветский дед Ромэна, тот не имел никаких способностей к науке. Химия представлялась ему некой романтической особой, которую нужно покорить во что бы то ни стало. Он посвящал ей сонеты, упоенно рифмуя формулы, смысл которых едва понимал, пускался в фантазирование, плел восторженную чушь и вздыхал. Со снисходительной миной Иноземцев оглядел тома его писанины, бережно поданной в бюваре ярко-алого цвета, и не нашел там ни единой хоть мало-мальски толковой мысли, сплошь какие-то метафизические домыслы, плоды воображения и небывальщина.

Но сосредоточенно прочел: уселся в кресло, придвинул светильник, велел ученику штудировать какой-то учебник по солям и кислотам, а сам стал читать. И чем больше он погружался в чтение, тем больше холодело и сжималось его сердце. Лессепс-дед был прав – внук ступил на весьма скользкую дорожку. Ведь сам Иноземцев года три назад таким же болваном был. Беспросветным болваном. Перед глазами проплывали картины прошлого, наводящие лишь жгучий стыд на сердце. Видел себя доктор в квартире на Мойке, огнем пылающей, когда погорела паяльная лампа, и во флигеле Обуховской больницы, где он лабораторию устроил, которую то индийские слоны посещали, то воздушные лунные призраки¹¹. И чего ему стоило излечиться от подобной напасти.

Когда последняя страница была дочитана, а корочка кроваво-красной, революционной папочки захлопнута, Иноземцев встал и шумно вздохнул. Юноша оторвал от учебника взгляд и тоже встал. Не встал, а порывисто вскочил и, приложив руки к груди, выдохнул:

– Что? Как вы это находите?

Иноземцев приподнял брови и опять вздохнул:

– Вы обладаете несомненным талантом, – ответил он. И заметив, как побледнел молодой человек, добавил: – Талантом литератора. Но отнюдь не ученого.

Юноша сначала застыл с удивленной миной, а потом обессиленно рухнул обратно в кресло.

– Неужели вам не понравилось? А бездымный порох, а бесшумный выстрел? А мои опыты с нитроцеллюлозой и пироксилином? А гранатки, которые можно было бы...

– Вам известно, как переводится слово «порох» с китайского? – прервал Лессепса-младшего Иноземцев.

– Что? Нет, неизвестно. Я не говорю по-китайски...

– Огонь медицины.

– О, впервые слышу. Однако как поэтично и звучно сказано...

---

¹¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

– Китайцы искали эликсир бессмертия, а изобрели порох. Случайно, – Иноземцев, замолчав, призадумался. На лице его застыла мученическая гримаса, заметив кою юноша тотчас осекся и замолчал.

– Ваш труд мне напомнил басню одного моего соотечественника, – продолжал Иван Несторович, подняв голову и глядя прямо в глаза юному Лессепсу. И лицо его стало непроницаемо строгим. – Мартышка и очки. Не слышали?

– Очки? Слышал... Да, у Лафонтена тоже есть нечто подобное... кажется.

– Так вот, вы, месье, и есть та самая мартышка, – неожиданно вскричал Иноземцев, следом гневно указав пальцем на папку с рукописью, – а это необходимо сжечь. Сейчас же. Потому что вы нагородили невероятнейшей нелепицы, и если хоть что-то из того, что вы навывдумывали, воплотить в жизнь, то жизни этой самой можно лишиться и других лишить. Не кажется ли, что уж чрезвычайно рано вы засели за написание собственных работ? Лавуазье себя мните? Еще года не прошло учебы, а уже за нитроглицерин беретесь. Что вы знаете, к примеру, о едком натре? Какова его растворимость? А? Что это вы, мой друг, замолчали? Каково взаимодействие его с углекислым газом? Отвечайте! Урок уже в самом разгаре. Вы хотя бы представляете себе, что мы вдыхаем и что выдыхаем? Опять молчание, мой друг!

От такого неожиданного напора юноша вжался в кресло и побледнел так, что совершенно слился с белой его спинкой.

– А я заметил ваш отсутствующий взгляд на лекциях, – продолжал наступать учитель, – вы постоянно глядите в окно, подперев ладонью подбородок, и вовсе не мои слова заносите в свой блокнот, а нечто собранное в четырехстопный ямб или хорей. Не так ли? Летая в облаках, вы намереваетесь работать с нитроцеллюлозой, пироксилином и прочими взрывчатыми веществами, бризантность которых чрезвычайно высока! Весьма удивлен, что вам до сих пор не оторвало руки! Порох, оружие, взрыв – это тончайший математический расчет, доля ошибки – и вы взлетите на воздух вместе со всеми вашими идеями!

– Месье! – испуганно возразил юноша.

Но Иноземцев мгновенно оборвал попытку вступить в противоречие.

– На этом сегодняшний урок окончен, – проговорил он тоном более спокойным. – Можете быть свободны. И если вы вдруг пожелаете вернуться, то соблаговолите принести мне пепел от сожженных ваших рукописей. И тогда мы с вами продолжим. Лишь при абсолютном, полном и безоговорочном подчинении воле учителя возможен продуктивный учебный процесс.

– Месье... – было опять начал Ромэн.

– Вы свободны. Всего доброго.

Едва не плача, Лессепс-младший вылетел из белоснежной лаборатории, даже позабыв поначалу свою революционного цвета папку, панаму и трость, потом вернулся, поспешно схватил все и убежал так, что пятки сверкали.

Когда тяжелая входная дверь хлопнула, Иван Несторович вздохнул, оттер капельки пота с висков и поплелся подсоединять сигнализацию. Как он ловко и быстро справился с незадачливым пареньком – у того, поди, охота до пироксилинов и ртутей на несколько жизней вперед пропала, коли, конечно, правдива та индийская теория о перерождении душ, о которой так любят рассуждать теософы и оккультисты. Да и обошлось все кругом-бегом всего одним уроком.

Но Иноземцев ошибся.

Лессепс-младший вернулся через несколько дней и молча поставил перед несколько удивленным, но старавшимся этого не показать доктором бонбоньерку с пеплом.

– Вот, Учитель, как вы просили, – торжественно произнес он не без сарказма. Но, сказав это, тотчас испугался и опасливо стал ждать очередного взрыва негодования. Иноземцев лишь

окинул юношу взглядом, преисполненным строгости, стиснул зубы и велел сесть. Ромэн тихо опустился на стул, глядя на Ивана Несторовича по-щенячьи с надеждой. Доктор тотчас же вспомнил себя в детстве и свое домашнее воспитание, которым занимался отец с присущим ему педантизмом.

– Задача всякого учителя, – проронил Иван Несторович, – склонить ученика к усердию. Задача каждого дитяти – сопротивляться всем попыткам своего воспитателя – так заведено природой, от этого никуда не деться. Но требуется в нем воспитать человека вопреки всем попыткам сопротивления. Человеком он станет таким, что его значение прямо пропорционально усердиям учителя и обратно пропорционально сопротивлению ученика.

«Тряпичную куклу воспитывать нет смысла, – про себя продолжил доктор. – Если сопротивление будет равняться нулю, то в итоге ведь не получится ничего. На ноль делить нельзя... Я же был, кажется, той самой тряпичной куклой. Кто знает, что может получиться из этого настойчивого паренька. Но попробовать стоит».

– Человека? – не удержался от вопроса юноша. – Химика, быть может?

– Человека – в первую очередь. Сознательного и рационального. Эти качества присущи и хорошему химику.

Некоторое время Иноземцев молчал, вспоминая то, что слышал от Нестора Егоровича в детстве о принципах воспитательного процесса. Нестор Егорович слыл в этой области знатком. Человеком он был столь же блестящим, как и фармацевтом.

– Выкиньте из головы, – начал Иноземцев, потряхнув головой, будто отгоняя облако воспоминаний, – все ваши бредовые и несостоятельные идеи с селитрой и ртутью, гранатками и прочим чудовищным бредом, которым вы наводнили эту милую бонбоньерку, – с этими словами он демонстративно отправил ее в урну для мусора. – Начнем с самых азов: из чего состоит физическое тело и что называется веществом...

Лессепс подавил унылую гримасу, раскрыл тетради и приступил к записям.

Медленно, нет – мучительно, еле-еле и кое-как продвигалось обучение юноши. Казалось, оно просто стояло на месте, а движение было иллюзорно. Иноземцев тянул время как мог, разжевывая лекции с кропотливостью и неспешностью палача, должного продлить мучения жертвы. Никто ведь не требовал превратить юношу в Ломоносова или Бертолле. Однако мучения эти могли либо развить в ученике усидчивость, либо заставить его сдаться и бежать. Иноземцев наблюдал и взвешивал. Он ждал, когда можно будет решиться на настоящие уроки. Иногда Ромэн начинал скулить, поглядывая в сторону ровного ряда реторт, колб и перегонного аппарата, просил перейти к практике, но Иван Несторович настойчиво игнорировал всяческие происки помешать ему в достижении конечной цели – либо ненависти, чувства полного отращения бедного юноши к науке, или полной покорности процессу обучения.

Увы, метод Иноземцев приближал Ромэна к первому, нежели ко второму. Усердия Иноземцев не добился, покорности тоже. Таким возвышенным натурам, с ветром в голове вместо серого вещества, ни в коем случае, ни под каким предлогом нельзя было и близко подходить к лаборатории. Лессепс отвлекался раз по двадцать за урок. Просто беда! Сам того не замечая, застывал, глядя перед собой, принимался шептать, а потом, совершенно не слушая слов Иноземцева, записывал что-то на полях тетради. Опять столбики стихов, что еще? Когда Иван Несторович бросил затею отучить его от этой странной напасти, Ромэн осмелел и стал зачитывать ему свои творения. Тот с унылой миной на лице выслушивал – лишь бы дитя не вешалось, как говорится, пусть потешится. Так, быть может, он скорее поймет, что химия ему вовсе не нужна, отдастся воле вдохновения и забудет дорогу на улицу Ферронри.

Все же времени на него Иноземцев тратил уйма и душевных сил тоже. Изучение спор стало. Кроме того, едва появлялся этот паренек на пороге, находила на Иноземцева страшная скука – никогда спать не хотелось, но едва тот сядет, тетрадями обложится, веки начинают тяжелесть, и Иван Несторович, сам того не замечая, клевал носом. Клевал носом, механически

продолжая что-то втолковывать, а перед глазами возникала перинка мягкая, подушки, одеяла стеганные. Как же хотелось спать, будто целую вечность не спал. Хотя ведь так оно и было, что за сон – за столом или в кресле? Господи боже, почему у него в доме нет кровати? Надо все-таки приобрести...

Как назло, едва ученик покидал своды лаборатории – ни в одном глазу, хоть стреляйся. А тотчас же вернуться к делу не получалось, всеми мыслями Иноземцева завладевал внук Лессепса – уж слишком близко к сердцу доктор воспринимал сей воспитательный процесс. Все ждал и взвешивал, наблюдал и готовился неведомо к чему. Сам себе боялся признаться, что ничего путного из этой затеи не выйдет. Одно оставалось – надеяться, что юноша начнет совсем изнывать со скуки и забросит мечту стать химиком до лучших времен или уж насовсем, как его дед того желает.

Так и провели несколько месяцев – один упрямец испытывал другого. Голова Иноземцева постепенно и помимо его воли заполнялась совершенно ненужными сведениями. Его ученик был редким болтуном – вероятно даже, именно это наводило на Ивана Несторовича смертельную тоску – и четверти часа Ромэн не мог усидеть в тишине, и десяти минут не мог выдержать научных объяснений. Если бы Иноземцеву платили за то, чтобы он помог постичь хоть в малой степени азы того предмета, что давал, а не наоборот, то он уже через неделю, не раздумывая, выставил бы Ромэна вон за неимением никаких способностей. Но мальчишке не хватало одного маленького шажочка, чтобы понять, что тщания над учебниками напрасны. Он думал о чем угодно, только не о химии, но продолжал упорно являться к Иноземцеву, изводить его, упирая на то, что вот весна закончится, и я возьмусь за ум, вот летний зной минует, и я обязательно стану прилежней. Вместо уроков Иван Несторович порой внимал одной пустой болтовне вперемишку между тремя-четырьмя минутами обучения.

Заочно он перезнакомился со всеми Лессепсами, побывал в Египте, узнал о правителе Исмаил-паше, его сыне Тауфике, много таинственных тонкостей в строительстве каналов, о каких-то коварных инспирациях, обо всех самых знаменитых анархистах светского мира Парижа, даже о некоторых тайных обществах, узнал об месье Эйфеле – инженере, сконструировавшем ту красавицу-башню, – он был лучшим другом Лессепса-деда, оказывается, и к каналу руки приложил, о его бесстрашной племяннице, которая ведет все записи дяди, чертежи и живет с ним на третьем уровне этой самой башни, где у инженера кабинет, жилые комнаты и лаборатория.

– Мадемуазель Боникхаузен – самая отчаянная девушка из тех, кого я знаю. Именно она вдохновила меня заняться наукой. – О племяннице месье Эйфеля Ромэн говорил с особым жаром и вопреки некоторым недовольствам своей семьи имел намерения на ней жениться. Иноземцев с непроницаемым выражением лица и частым поглядыванием на часы слушал юношу, в уме подсчитывая, сколько времени он сегодня отведет на очередную лавину новостей, парижских сенсаций и восторженных рассказов о запершей себя в башне, чахнувшей над чертежами невестой.

Последнее Иноземцева даже удивило, он и мысли допустить не мог, по утрам любясь «Железной дамой», что там, внутри, можно жить. Ведь когда он был на Выставке, едва нашел смелость подняться на первый этаж и через минуту сбежал оттуда, всем телом ощутив, как ходит ходуном под ногами пол башни. Как же, должно быть, шатко на втором и третьем уровнях сего строения! Конечно же, при строительстве был учтен коэффициент ветра, и колебания макушки не превышают более семи дюймов, но это нисколько не успокаивало Ивана Несторовича. Пол под ногами должен быть твердым, и никак иначе.

А Ромэн Лессепс не умолкал, живописуя, какой чудесный вид открывается с высоты двух сотен метров, какие там, на башне, чудесные кофейни, залы, и о прочей ерунде.

«О каких кофейнях может идти речь, коли в воздухе стоит дребезжание всех кофейных чашечек разом!» – внутренне возмущался Иван Несторович.

Никогда! Никогда больше он не совершит такого необдуманного безумия и не предпримет попытки еще раз подняться наверх. Уж лучше любоваться красотой кружевного металла издалека.

Стрелки подползли к десяти вечера, и только Иноземцев приготовился наконец поставить точку в сегодняшнем занятии, как раздался звонок. От неожиданности оба подскочили. Иван Несторович побелел, ибо все нутро его прожгло от смутного и тревожного предчувствия. Пока привыкал к этим дьявольским трелям, что издавал электрический колокольчик за день десятки раз, он успел изучить весь диапазон тревожности его звука и даже порой упражнялся в угадывании, с каким диагнозом к нему явились, больной ли, почта или соседи. Но сейчас интуиция вдруг настойчиво шептала: не к добру, ой, не к добру звонок в такой час. Быть может, полиция? Вдруг кто разболтал про стрельбу в подвале?

Ну, к примеру, случилось убийство в квартале, соседей расспросили – те и выдали Иноземцева с его «лебелем» и всеми потрохами. Или это анархисты Ромэна про его душу пришли; небось тот им жалуется, что с селитрой не скоро опыты проводить намерен. Сейчас захватят его лабораторию, самого доктора к стулу привяжут и заставят бомбу собирать для революционных надобностей.

Вот такие мысли проносились в голове Иноземцева, пока он спускался по лестнице.

На пороге оказался почтальон – в такое время? – в форменной одежде и с сумкой наперевес – все как полагается.

«Ряженный», – отчего-то вдруг пронеслось опять в мыслях. Нет, обычный. Протянул сверток, велел расписаться в журнале.

Все еще пребывая в некоем необъяснимом страхе, Иноземцев сел прямо на первую ступеньку лестницы и развернул обертку – довольно странную, без привычных почтовых штампов, без подписи – без ничего. Внутри лежала небольшая шкатулочка с вогнутыми тонкими стекляшками, которые Иноземцев и разглядел-то не сразу, до того они были тонкими и маленькими. К стекляшкам прилагался флакон с какой-то жидкостью. Что это, черт возьми? Иноземцев повертел в руках стекляшки, едва умещающиеся на кончике пальца. Открыл бутылек и попробовал на язык содержимое – сладкое, никак раствор глюкозы.

Потом до него вдруг дошло, вернее, не дошло, а донеслось – голосом Ульяны Владимировны, – новомодное изобретение профессора Фика из Цюриха – пара роговичных линз.

Глава III. Мадемуазель Боникхаузен

Весь следующий день Иван Несторович провел как на иголках. Ничего толком делать не мог – все из рук валилось, и, как в прежние времена, сердце колотилось, перед глазами все плыло. А может, это и не она вовсе? Или она, но до Парижа не добралась, а так просто, как обещала, бандерольку прислала, чтобы нервы пощекотать? Так ведь на обертке ни адреса обратного, ни вообще каких-либо следов, что бандеролька сия через руки почтовой службы прошла. А может, сама и почтальоном вырядилась?

Да не может быть! Низенький лысоватый господин лет сорока никак не мог быть загрированной девицей.

«Девицей – нет, – вздохнул Иноземцев, – а Ульяной Владимировной¹² – вполне. Один дьявол ведаёт, что это за ведьма такая. Вся фундаментальность законов физики и логики рассыпается в осколки, когда вдруг возникает она».

Сгорая в агонии мыслей и предчувствий, Иван Несторович не мог понять, чего он боится больше – повстречать эту фокусницу вновь или жить в постоянном страхе, что вот опять она примется за старое. Захотелось спешно собрать вещи и бежать куда-нибудь, к чертовой бабушке, в Америку, на Аляску, на Северный полюс!

Но не была бы агония Ивана Несторовича полной, если б пороха не подсыпал его назойливый ученик. Мало того, он ежедневно по два часа жизни его отнимал, так еще чего вздумал – отнять целый вечер. Оказывается, его намерения жениться на племяннице инженера Эйфеля вылились в твердое решение – на завтра назначен званый ужин, где невеста будет официально представлена семейству Лессепсов, а заодно и всей парижской знати. И Иноземцев отчего-то тоже должен присутствовать на сем представлении.

Все его существо мгновенно запротестовало.

Он пробовал возражать, говорил, что чрезвычайно занят, но юноша изошел сонмом таких цветистых любезностей, что отказать было невозможно – дескать, вы – мой наставник, мой гуру и пример для подражания, первый человек после отца и деда, без вашего присутствия важнейшее событие в моей жизни не будет столь радостным, и прочая чушь в его манере.

Иноземцев нахмурился, угрюмо глядя на Ромэна. Тот сиял умоляющей улыбкой. Вот ведь наказание! Выставки хватило сполна. После того грандиозного события Иноземцева еще долго потом передергивало от воспоминаний, и он зарекся когда-нибудь еще совершить подобный променад. А тут – опять двадцать пять. Иван Несторович совсем не хотел идти, но быть таким невежей, каким рисовали его коллеги, тоже никак не улыбалось.

Как там о нем Дюкло выразился: «Более угрюмой и нелюдимой личности во всем Париже не сыскать?»

В итоге Ромэн Лессепс от Иноземцева не ушел, пока не добился согласия. Истинный внучек своего деда.

Оставшись один, Иван Несторович минут десять разгневанно мерил шагами комнату. Вышел на балкон – вдохнуть свежего сентябрьского воздуха, вернулся, опять пометался в отчаянии. Но, в конце концов, решил забыться за работой, приступив к чашкам Петри и микроскопу. С этим мальчишкой об исследованиях своих Иноземцев совсем позабыл, одни культуры погибли, другие пришли в запустение.

Настроенный решительно, Иноземцев вооружился раствором хлорной извести и вознамерился очистить все чашки Петри от старых образцов, но занятие сие, как всегда, оказалось столь увлекательным, что раствор так и не был использован, а каждая из чашек Петри, вернее, ее содержимое изучено по новой. Позабытые культуры, предоставленные сами себе, повели

---

¹² Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

себя до того любопытно, что Иван Несторович уже через полчаса позабыл, где он и кто он, растворившись эфиром в пространстве между микроскопом и тетрадью, множа зарисовки, записи, схемы и графики.

И тут вдруг на самом интересном месте, в минуту, может быть, великого открытия, когда чудесный лиловый цветок фузария, вызывающего, между прочим, дерматиты и септическую ангину, стал разрушаться под воздействием капли бордоской жидкости, рядом раздалось по-русски:

– Нет, это невозможно просто! Я уже минут десять здесь сижу, а он и головы не поднял.

Чашка Петри со звоном полетела на пол, следом бутылек с бордоской жидкостью, тетрадь и железное перо.

В его кресле как ни в чем не бывало восседала Ульяна Владимировна – восседала в *его* кресле у *его* балконной двери, поглаживая *его* верного гриффона, валяжно развалившегося на коленях. Нарочно одетая во все белое, она совершенно слилась со стенами и спинкой кресла.

Иноземцев дернулся назад и пару раз взмахнул перед глазами рукой в наивном порыве отогнать галлюцинацию. Не показалось ли? Нет, не показалось – это была Ульяна Владимировна собственной персоной – чуть повзрослевшая и чуть более степенная, с цветом лица нежно-оливковым, точно прибыла из жарких стран. Строгое, но абсолютно-белое платье с глухим воротничком, уходившим под подбородок, придавало ей вид шахматной королевы. Вопреки модным веяниям коротко остриженные волосы мягкими волнами обрамляли лицо – видать, для того, чтобы парики было удобно носить, отстригла косу, авантюристка. На устах скользила полуулыбка, а в глазах по-прежнему искрилось детское озорство – единственное, что ей скрыть никогда не удавалось.

– А ну-ка поди прочь, предатель! – первое, что вскричал Иван Несторович, уязвленный тем, что его пес по какой-то невообразимой, совершенно не свойственной этой породе собак привычке признавал всех кого ни попадая за своих и от того был абсолютно бестолковым сторожем.

Ульяна расхохоталась, а Иноземцев нервно метнулся к полке, где прятал револьвер. Дрожащими руками вынул свой вполне боевой «лебелъ», взвел курок и наставил револьвер на девушку. Гриффон, почуяв, что хозяин недоволен, спрыгнул с колен хохочущей Ульяны и бросился к нему, продолжая махать хвостом с частотой секундной стрелки. Тыча носом в колени и пачкая лапами брюки, он словно говорил по-своему, по-собачьи, что нет причин для паники.

Паники? Не-ет, паниковать Иноземцев теперь не станет. Только полный контроль, самообладание, невозмутимость, присутствие духа, спокойствие, бесстрастность. А еще выдержка! Да-да, выдержка.

– Что вы з-десь д-делаете? – заикаясь, спросил Иноземцев. Его голос, как и рука, сжимающая оружие, отчаянно дрожал, явив вместо полного контроля, самообладания, невозмутимости и бесстрастия полное безоговорочное смятение и ужас. Хотелось швырнуть «лебелъ» в сторону, выпрыгнуть в балконную дверь и бежать. Бежать до самой Аляски или к Южному полюсу.

– В гости пришла, – ответила Ульяна, продолжая смеяться. – Нельзя? А вы несколько не изменились, ну ничуточки, Иван Несторович. Хоть про вас и говорят невесть что, но я-то вас знаю.

И вновь смеяться. Этот смех действовал отрезвляюще.

– Как вы вошли? – уже более строго спросил Иноземцев, угрожая дулом револьвера.

– Ну, будет вам, на даму оружие наставлять – ужасный моветон. Опустите, за ним лица вашего не видно. А ведь я соскучилась. Да уберите же, говорю, ваш «лебелъ», эту рухлядь, которой пользуются только престарелые ветераны франко-прусской войны. Тем более что он не заряжен.

– Заряжен!

– А вот и нет.

– А вот и да!

– Не спорьте, мне лучше знать. Я сама только что патроны вынула. Все шесть.

– Что? – Пораженный, Иноземцев откинул барабан, но, обнаружив пустые гнезда, сначала обреченно опустил руку, но потом отчего-то снова выпростал ее вперед, сощурился при этом глаза. – Опять в-врете.

Ульяна Владимировна испустила досадный вздох и покачала головой. Это движение было столь убедительно, что Иноземцев испытал стыд – пришлось убрать бесполезный «лебедь».

– Зачем вы сюда явились? – спросил он с отчаянием. – Мало бед через вас я претерпел? Чего вам теперь надобно?

– Ничего особенного, Иван Несторович. Я лишь хотела узнать, как вы поживаете...

Она поднялась и, сделав несколько шагов по комнате, обвела ее оценивающим взглядом.

– Вы такой чудной, – проронила она. – Как можно так жить? Все кругом сплошь белое, аж перед глазами рябит.

– Вы и этим воспользоваться сумели себе в выгоду, – насупился Иноземцев. – Вон, опять вырядились привидением. Смерти моей хотите?

По мере того как она делала шаг к нему, он отходил, хоть и чувствовал себя полным идиотом, но какой-то неведомый трепет овладевал им в ее присутствии. Не знаешь, чего ожидать, чего она выкинуть задумает. Притаилась, смотрит, точно кошка перед прыжком.

– А эти провода повсюду, – в задумчивости продолжала она. – Это вы меня так боитесь?

– Никоим образом вас это не касается.

– Значит, меня, – с театральным сожалением выдохнула Ульяна. – А между прочим, это я помогла вам вернуть ваш микроскоп. Как услышала, что вас обокрали, тотчас решила узнать, кто же этот негодяй. Достаточно было расспросить местную детвору. Детки – глазастые, все видят. Они мне и рассказали, что шалопаи с рынка к вам наведывались. А уж поймать виновного и за ухо оттащить – дело немудреное. Микроскоп ваш на складах прятали. Видать, продать хотели, да кому – не знали.

Иноземцев вспомнил, с каким ужасом улепетывал тот паренек, но Ульяна, словно подслушав мысли доктора, поспешила объяснить:

– А я на вашей крыше в ту минуту сидела, «велодога» его припугивала. Из «велодога» оттуда б не попала в него, но паренек того не знал. Он в оружии разбираться не мастак, мал еще, да и невежда. Да-а, Иван Несторович, живете вы как сыч, ничего не видите, не знаете, ничего не замечаете, кроме ваших этих круглых прозрачных тарелочек, – она поморщила носик и брезгливо ткнула пальцем в одну из чашек Петри. – Вот, что вы в них все время ищете? Уж лучше бы и дальше луноверин изучали, да, поди, смогли б открыть его большую пользу.

– Нет от луноверина никакой пользы, только вред один! Ядовит он! Да, это медленный яд. Хорошо, что о нем никто никогда не узнает, – огрызнулся Иноземцев и сделал еще один шаг назад. До двери оставалось полпути – если, конечно, вдруг его гостя вознамерится что-либо отчебучить, одни черти ей товарищи.

– Чего это никто не узнает? – улыбнулась Ульяна, подняв со стола какую-то книгу и принявшись ее листать с бездумным пренебрежением. – Господин Райт продал права на него герру Феликсу Нойманну, сотруднику компании «Фабен», что в Бармене, это Германия. Герр Нойманн доработал ваш луноверин и скоро в аптеках наряду со знаменитым аспирином появится новое чудесное лекарство от кашля – ахиллинин.

– От кашля? – в недоумении переспросил Иноземцев. – Почему от кашля? Кто такой господин Райт? Кто такой герр Нойманн? Почему ахиллинин?

– Вы же сами тогда сказали, что, приняв его, становишься точно герой, вот мы с Алдером и решили назвать его «ахиллинином». Это от имени Ахилл производная. Вам нравится? По моему, просто замечательно.

– Боже мой, что вы несете? С кем это – с Алдером? – Иноземцев стал искать руками опору.

– Послушайте, я сейчас все объясню, – Ульяна положила книгу и сложила ручки, точно воспитанница какого-то пансиона. – Алдер Райт работал преподавателем химии в старенькой школе в Лондоне, при монастыре, я точно не упомяну имени какого святого. Он был таким мечтателем и таким при этом несчастным, так страдал от пристрастия к морфию... Он искал средство излечить себя и... Я ему про луноверин рассказала. Ведь я, когда у вашего обуховского аптекаря работала, поняла, как вы луноверин получили. Нагрела его, а он взял и ангидрид уксусный выделил. Ну так Алдеру луноверин понравился. Его немного нужно в отличие от морфия. А как он кашель лечит!

– О господи, ваш Райт уже мертв, поди... – проронил Иван Несторович. – Вы меня им едва не убили.

– Перестаньте, вы просто все очень близко к сердцу принимаете. Вы только на себе его пробовали¹³. Но можно ли на вас было ставить опыты? Нет, сами тогда говорили, что уже совсем разум потеряли, надышавшись им. Только спутали картину. Поэтому его на себе испытывали Райт, Нойманн и я.

– Вы?

– Да! Вот так вот. И жива-здоровая, как видите.

– Но вы, верно, его употребляете и теперь?

– Нет, зачем мне?

Иван Несторович приблизился к девушке. Осторожно, точно прикасался к горячему утюгу, взял ее за руку, пощупал пульс, заглянул в глаза – чистейшей воды янтарь под густым опахалом ресниц. Кожа чистая, взгляд ясен.

– Это невозможно! – воскликнул он. – Вы лжете, слава богу. Но вы повинны в чудовищной катастрофе, Ульяна Владимировна. Луноверин – не лекарство от кашля, а ужаснейшее зло, во сто крат хуже морфия. Уж мне-то известно о его коварстве. И если он разойдется так же быстро, как аспирин, то...

– Доверьтесь более компетентным в этом вопросе специалистам. Вы рассеянны до безобразия. Вам могло привидеться, показаться. Вы хоть знаете, как мне удалось сюда попасть? Нет, – предупредила она ответ Иноземцева, готовый сорваться с языка, – не через окно, это уже неинтересно ведь. Я не люблю повторяться. Я заходила к вам уже не раз. Через подвал, через огромные катакомбы, расположенные под вашим домом, о которых вы и не подозреваете, со входом на складах рынка Ле-Аль. От него пролегает туннель, ведущий прямо к вашим ногам.

Она указала пальцем в пол.

– Вы ведь даже не подозреваете, что ранее на месте этого самого овощного рынка, где вы ежедневно покупаете корзинку овощей, было огромное-преогромное кладбище – Кладбище Невинных. Оно и сейчас есть, несколько десятков саженей... то есть несколько метров под землей остались обширные братские могилы с несколькими миллионами парижан, захороненных много-много сотен лет тому назад.

Лицо Иноземцева перекосило от омерзения и невольного ужаса. А Ульяна продолжала:

– А дом? Ваш дом, лаборатория, которую вы столь старательно выбелили... Не хотели бы узнать, отчего он пустовал так долго? Отчего его вам так скоро отдали в распоряжение. Целый дом! В центре Парижа! Не находите это странным? Ммм?

– Не нахожу...

– Я вам расскажу, – Ульяна победоносно подбоченилась. – Открою вам глаза наконец! Глупый-глупый Иван Несторович не знает, что этот дом проклят, а его хозяева отчаялись продать халупу еще сотню лет назад и потому бросили, но даже муниципалитет города, прибрав

---

¹³ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

его к рукам, не смог пустить на пользу. Вот так вот. Потому что в нем живут привидения. Что, ни разу их не встречали?

Иноземцев отчаянно ударил себя по лбу и вздохнул. Когда речь заходила о привидениях, да еще из уст Ульянушки, не ровен час – его водят за нос, да небось столь искусно, что вряд ли он успеет это заметить прежде, чем до смерти перепугается. Поэтому он предпочел отойти к стене и ожидать словесной атаки подальше.

– На этот раз я вас не обманываю! Кого угодно спросите. Хоть кого из соседей, хоть самого месье Пастера! В этом доме в веке, кажется, пятнадцатом или шестнадцатом жил польский колдун, который изобрел порошок бессмертия. Его ловили-ловили, но никак изловить не смогли, потому как владел он тайнами такими, что и мне не снились. Мог вызвать грозу, взмыть в небеса, мог заставить мертвеца восстать из могилы. Он оттого и поселился вблизи самого большого кладбища, чтобы мертвецов этих превращать в своих преданных рабов.

– Это чушь, прекратите немедленно, – поморщился Иноземцев. – Опять вы сказки рассказываете. Не пройдет, Ульяна Владимировна, во второй раз меня одурачить.

– Идемте, я вам покажу, – она порывисто протянула руку.

– Нет! – вскричал он. – Никуда я с вами не пойду. Стойте где стоите, иначе... Иначе я за себя не отвечаю.

– Вот ведь какой трус! – обиженно всхлипнула девушка и скрестила руки на груди. – В вашем подвале у него и располагалась лаборатория. Небывалых размеров, всю улицу Медников занимает. На этих этажах был бордель, а под борделем – алхимическая лаборатория!

– Я был в этом подвале. Обычный подвал, не более двадцати квадратных саженей.

– Фу, какой вы старомодный. Нынче длины в метрах принято измерять. А тот подвал, что вы имеете в виду, – это так, для отвода глаз. Ведь лабораторию свою колдун тщательно от людских глаз берег. О ней даже королева Екатерина Медичи не знала, которой он служил и для которой яды изготавливал.

«Врет, – был уверен Иноземцев, – как пить дать – врет. Горбатого могила исправит, а эту девушку – поди, могила вряд ли».

– Вот вы мне не верите, а такая чудесная легенда есть на сей счет, – продолжала Ульяна.

– О да, у вас непременно на всякий счет чудесная легенда припасена.

– Не ерничайте. А послушайте! Были у этого колдуна сын и дочка, оба – такие красивые, каких еще свет не видывал...

– Господи боже!

Но Ульяна продолжила, несмотря на то, что Иноземцев даже отвернулся, скрестив руки, демонстративно не желая ей внимать:

– Прибыли они из Польши в Париж к отцу, а инквизиторы их хвать – и на костер. Только братика сожгли, а сестричка воспользовалась старинным рецептом, который ей в письмах отец передал, обернулась голубкой и упорхнула.

– Я чрезвычайно за нее рад.

– А потом она полюбила одного отважного воина, который погибал от ран на корабле. Она смогла сконструировать, опять же по чертежам отца, аппарат для перегонки крови и спасла его. Вот какой удивительной учености жил в этом доме колдун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.